

АРХАНГЕЛЬСКОЕ
ПУБЛИЧНОЕ

30
1832
И. Порохов.

~~РУССКІЕ~~
ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

~~УРОЖЕНЦЕВЪ~~
АРХАНГЕЛЬСКОЙ
ГУБЕРНИИ.

1861.

1861

1866 г.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

1855

Въ Типографіи Губернскаго Правленія

Кабинет Севера

Обл Библиотеки

160097

2212

14

W

160920

РУССКІЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ, ИЗЪ УРОЖЕНЦЕВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I.

Баженины.

Баженины безспорно принадлежать къ числу замѣчательныхъ гражданъ Архангельска. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, они первые прославились кораблестроеніемъ на вавчугской верфи, лежавшей при рѣкѣ Вавчугѣ, впадающей въ Сѣверную Двину, въ 83 верстахъ отъ Архангельска и въ 13 отъ Холмогоръ. На ней то, задолго еще до прибытія Петра Великаго въ Архангельскъ, братья Осдоръ и Осипъ Баженины, съ указа Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, по дарованной имъ 10 февраля 1693 года грамотѣ, построили съ нѣмецкаго образца водяную пильную мельницу, и выпиливаемыя на ней доски продавали у города Архангельска торговымъ русскимъ людямъ и иноземцамъ. Задумавъ отправлять товары свои за море на собственныхъ судахъ, они

били челомъ Государю , прося дозволить имъ строить у своего завода , русскими и заморскими мастеровыми , корабли и яхты. Просьба эта пришла по душѣ Царственному моряку ; видя и цѣня столь усердное и согласовавшееся съ своими видами стремленіе просителей къ искусству кораблестроенія , Петръ , въ первый прїѣздъ свой въ Архангельскъ , въ 1693 году , поспѣшилъ посѣтить Вавчугу , и , осматривая тамошній лѣсопильный заводъ , *не мало хвалилъ хозяевъ* , а подь конецъ удостоилъ ихъ даже своимъ посѣщеніемъ. Здѣсь-то , въ пылу увлеченія къ преднамѣренному благу , забывъ величіе и важность Царскаго сана , въ бесѣдѣ простой и откровенной , Онъ со вниманіемъ слушалъ разумныхъ Бажениныхъ , одобрялъ предположенія , и , съ свойственнымъ Ему жаромъ , поощрялъ ихъ на задуманное дѣло ; при разставаньѣ же съ ними , далъ имъ *вѣрное Царское слово* : « исполнить ихъ просьбу не отложно и съ лихвою ». При вторичномъ посѣщеніи Архангельска , въ 1694 году , Царь , оставляя его , снова заѣхалъ на Вавчугу , гдѣ , осмотрѣвъ начатое

Баженинымъ судостроеніе и верфи, прядильный и парусный заводы, ласково благодарилъ хозяевъ и, пожаловавъ Федору Баженину званіе корабельнаго мастера, даровалъ и общанную грамоту. Грамотой этой дозволялось имъ ежегодно вырубать до 4,000 годныхъ для кораблестроенія деревъ; въ ней же между прочимъ говорилось, что Осипа и Федора Бажениныхъ, во все время занятій ихъ судостроеніемъ, «въ наши Великаго Государя службы, Мы Великій Государь выбирать и въ посылки посылать не указали; матросовъ, шхиперовъ и штурмановъ и русскихъ людей, которые похотятъ на кормахъ служить, принимать и держать имъ свободно, и отъ того корабельнаго дѣла никауда отнюдь не имать». Грамота эта, и съ нею права и льготы, дарованныя Баженинымъ, ободрили ихъ въ предпріятіяхъ и благотворно подѣйствовали на успѣхи судостроенія: готовые и спущенныя на воду суда продавались приходившимъ на Вавчугу Голландцамъ и Датчанамъ, а на нѣкоторыхъ сами хозяева отпускали собственные товары за море.

Прилагая усильныя старанія къ воз-

возможному развитію архангельской торговли, Царь строилъ суда въ Соломбалѣ уже на казенный счетъ и отправлялъ ихъ съ товарами за море. Въ 1700 году, на Соломбальскомъ острову было построено 6 торговыхъ казенныхъ кораблей, а къ 1718 году 12. Такимъ образомъ, въ 1694 году, на берегахъ Сѣверной Двины, явилась первая купеческая верфь въ Россіи, а на волнахъ Бѣлаго моря впервые развился русскій купеческій флагъ.

Въ третіе пребываніе Царя въ Архангельскѣ, въ 1702 году, Онъ, на отнятомъ у Шведовъ судиѣ, въ третій разъ плавалъ на Вавчугу, гдѣ, въ присутствіи Его, спущены были на воду выстроенные англійскими мастерами два фрегата: «Св. Духъ» и «Меркурій». Этимъ послѣднимъ пребываніемъ Царя въ Архангельскѣ мало-по-малу завершились труды Его и особенныя попеченія о здѣшнемъ судостроеніи и торговлѣ: ибо съ этихъ поръ Балтійское море, война со Швеціею, поѣздка и походъ за границу и заложенная на берегахъ Невы новая столица — Петербургъ — заняли все вниманіе Петра.

Въ 1725 году, на вавчугской верфи, выстроены были три казенныя китоловныя судна, длиною въ 107 футовъ, которыя въ томъ же году и отправлены въ море, на промыслы.

Будучи заводчикомъ вавчугской верфи и экипажмейстеромъ надъ строеніемъ Государевыхъ кораблей, Федоръ Андреевичъ занимался постройкою ихъ и на Соломбальскомъ островѣ, съ 1700 по 1720 годъ, послѣ Коммиссаріуса Избранта. При этихъ обязанностяхъ и повозложенной на него должности президента въ первомъ городскомъ магистратѣ, онъ отличался доброправіемъ, честностью и правосудіемъ въ рѣшеніи магистратскихъ дѣлъ. Сынъ его Иванъ былъ первенствующимъ магистратскимъ бургомистромъ. Челобитною 23-го мая 1768 года, онъ, съ архангелогородскимъ купечествомъ, исходатайствовалъ послѣднему, у Императрицы Екатерины Алексѣевны, право вольнаго торга саломъ морскихъ звѣрей и рыбъ и отпускъ его за границу.

Правленіе Ивана Баженина замѣчательно еще: раздѣленіемъ архангельскаго посада на купечество и мѣщанство

въ 1775 году; облегченіемъ посада отъ
взысканія доимокъ питейной и штраф-
ной, по Всемилостивѣйшему манифесту
17-го марта того года; первымъ чело-
битьемъ архангелогородскаго мѣщанства,
въ 1776 г., въ Правительствующій Се-
натъ, объ облегченіи тяжести въ по-
годныхъ службахъ; и наконецъ, паде-
ніемъ его самого въ 1777 году, осуж-
деннаго губернаторомъ Головцынымъ,
лишеннаго должности безъ суда, съ отня-
тіемъ званія степеннаго головы, по
дѣлу о Барминскомъ имѣніи. Въ 1780
году, оклеветанный въ этомъ дѣлѣ,
Иванъ Баженинъ признанъ, по опре-
дѣленію магистрата, невиннымъ. По
преобразованіи вологодскаго намѣстни-
чества изъ областей: Вологодской, Ар-
хангельской и Устюжской, онъ тогда
же былъ избранъ жителями вновь го-
родскимъ главою.

До сихъ поръ, на мѣстѣ прежде
бывшей вавчугской верфи, существуютъ
водяныя пильныя мельницы, принадле-
жащія архангельскимъ лѣсопромышлен-
никамъ, на которыхъ выпиливаются
доски, для заграничнаго отпуща; до
сихъ поръ, потомство славныхъ Федора,

Осипа и Ивана Бажениныхъ сохраняется въ лицѣ архангельскаго 3 гильдіи купца Никифора Степановича Баженина.

2.

Крыловы.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, обращаетъ на себя также вниманіе *Никита Крыловъ*, житель архангелогородскій, бывшій холмогорскій гражданинъ, умный и предприимчивый купецъ въ дѣлахъ внутренней и внѣшней торговли, послѣ знаменитыхъ купцовъ Бажениныхъ. Въ 1732 году, *Никита Крыловъ*, слышій въ тогдашнее время большимъ искусникомъ въ корабельномъ дѣлѣ и участвовавшій въ работахъ на верфяхъ баженинскихъ, основалъ свою верфь въ Архангельскѣ, въ трехъ верстахъ выше города, на правомъ берегу Сѣверной Двины, на мѣстѣ, называемомъ *Быкъ*, отчего и самая верфь получила названіе быковской. Сюда же, впоследствии, по измѣнившейся глубинѣ рѣки Сѣверной Двины, на пространствѣ между Архангельскомъ и Вавчугою, перенесены были и вавчужскія верфи; и Баженинъ, вмѣстѣ съ *Крыловымъ*, продолжая строить су-

да, съ 1735 года стали на собственныхъ корабляхъ своихъ отправлять товары въ Амстердамъ и Гамбургъ, что и продолжалось слишкомъ 10 лѣтъ. При верфяхъ этихъ была вѣтринная, о двухъ поставахъ, мельница, на которой выпиливались для судостроенія доски. Около 1748 года, поставилъ тутъ же свою верфь купецъ Барминъ; а позже появилась третья верфь купца Амосова.

Купецъ Никита Крыловъ былъ замѣчательный человекъ. Изъ простыхъ холмогорскихъ карбасниковъ, занимавшихся перевозкою людей и клади изъ Холмогоръ въ Архангельскъ, онъ природнымъ умомъ и практикою, пріобрѣтенною въ сношеніяхъ съ иностранцами, сталъ извѣстенъ какъ первый между архангелогородскими купцами бухгалтеръ, и первый изъ русскихъ купцовъ открылъ непосредственную торговлю съ Амстердамомъ и Гамбургомъ. Отъ нея онъ обогатился и, простой карбасникъ, сдѣлался первостатейнымъ зажиточнымъ купцомъ Архангельска, куда онъ совершенно переселился, въ 1746 году, въ каменный свой домъ, на берегу

Двины. Сынъ его Петръ Никитичъ, воспитанный въ Голландіи, любилъ науки, литературу и, состоя въ званіи бургомистра съ 1766 по 1767 годъ, отличался предъ своими предшественниками въ магистратской службѣ лучшими распоряженіями по дѣламъ.

3.

Латышевъ и Оолинъ.

Большимъ уваженіемъ пользовались въ архангелогородскомъ посадѣ и граждане: Петръ Григорьевичъ Латышевъ, магистратскій ратманъ и купецъ, и Иванъ Исаковичъ Оолинъ, прежде бывшій богатый купецъ. Они были добродѣтельны и честны, тверды и непоколебимы въ правдѣ. Соединенные близкимъ кровнымъ свойствомъ и дружбою, были усердными защитниками своихъ утѣсенныхъ гражданъ. Первый, доносомъ, въ 1761 году, главному магистрату, на президента Очапова и бургомистровъ Шахомова и Стукачева, а послѣдній жалобами въ 1762 и 1763 годахъ, тому же магистрату, на Бармина, Цшеницына и ихъ помощниковъ, твердо отстаивали возстановленіе гражданскихъ вольностей всего посада,

дарованныхъ закономъ, и, подвергаясь, въ теченіе 4 лѣтъ, разнымъ притѣсненіямъ и гоненіямъ со стороны богатыхъ, одержали, въ 1766 году, верхъ надъ сильнымъ союзомъ Барминскаго.

Потомокъ Ивана Исаковича—нынѣшній архангельскій 3-й гильдіи купецъ Александръ Ивановичъ Ооминъ.

4.

Мореходъ Герасимовъ.

«Мы грудью станемъ братъ за брата,
И въ прахъ повергнемъ супостата.

Лишь кликнетъ бражная пора,
Мы всѣ впередъ — ура, ура!»

Извѣстный поступокъ нашего морехода, кольскаго мѣщанина Матвѣя Андреевича Герасимова, совершенный имъ въ 1810 году, во время разрыва съ Англіею, по справедливости можно назвать геройскимъ.

Поступокъ этотъ былъ уже нѣсколько разъ описанъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и наконецъ, со словъ самаго Герасимова, въ № 8 «Морскаго Сборника» за 1849 годъ *). Но при

*) Свѣдѣнія о подвигѣ Герасимова были сообщены въ редакцію «Сборни-

настоящихъ обстоятельствахъ, похожихъ на бывшее, нельзя не напомнить объ этомъ поступкѣ нашимъ удалымъ бѣломорскимъ мореходцамъ, среди которыхъ и по нынѣ еще здравствуютъ его кумовья и сваты, или по-крайней-мѣрѣ старые знакомые. Пусть же они прочтутъ вполне понятный для нихъ рассказъ самого Матвѣя Андреевича. Вотъ онъ.

«Сего лѣта (1810 года) въ іюлѣ мѣсяцѣ, отправился я изъ Архангельска на ввѣренномъ мнѣ, отъ сыновей архангельскаго купца Алексѣя Попова — кораблѣ, именуемомъ «Евплусъ 2-й», въ Норвегію, съ рожью, принадлежащею тамошнему начальству. На ономъ кораблѣ было матрозъ 8 человекъ и изъ отставныхъ офицеровъ 1 штурманъ. Слѣдуя на томъ кораблѣ въ назначенный путь и, не доходя Нордкапа, 19 ч. августа, увидѣли не въ дальнемъ разстояніи трехъ-мачтовый корабль, который, не доходя до насъ, легъ на дрейфъ и спустилъ шлюпку; она подъ-

ка» изъ дѣла, хранящагося въ губернскомъ правленіи. — *Редакт.*

ѣхала къ нашему кораблю и съ ней кричали къ намъ непонятнымъ языкомъ; почему я принужденнымъ нашелся стать своимъ кораблемъ тоже въ дрейфъ. Изъ пріѣхавшихъ на шлюпкѣ взошли къ намъ одинъ офицеръ и пять матрозовъ, безъ всякаго оружія, кои оказались англичанами. Между тѣмъ корабль англійскій подошелъ къ намъ еще ближе, который увидѣли вооруженнымъ пушками. Пріѣхавшій къ намъ офицеръ съ матрозы, поставилъ оныхъ на руль и къ парусамъ, и начали управлять нашимъ кораблемъ уже по своей волѣ. Между тѣмъ англійскіе матрозы грабили у насъ вещи, и взяли у меня денегъ ассигнаціями 20 и серебромъ 20 же рублей! Противиться матрозамъ мы не осмѣлилися, такъ — какъ вооруженный англійскій корабль былъ близъ насъ и кромѣ онаго другой фрегатъ въ виду въ дрейфъ же. Пріѣхавшею съ перваго корабля шлюпкою, взять я на фрегатъ и представленъ начальнику онаго, съ имѣемыми при мнѣ корабельными бумагами; но ни начальникъ фрегата отъ меня, ни я отъ него, не могъ спознать ничего, по неразумѣнію языка. Пробывъ на фре-

гатѣ до 5 часовъ вечера, я свезенъ былъ обратно на свой корабль. По прїѣздѣ на оный, увидѣлъ только своихъ: штурмана, боцмана, матроза и юнгу; прочіе же 6 матрозъ взяты и увезены въ плѣнъ; а у меня на кораблѣ поставленъ англійскій офицеръ съ семью матрозами, и съ моего корабля на англійскій взятъ былъ бакштовъ. И такъ, при управленіи англичанъ, нашъ корабль слѣдовалъ за англійскимъ на бакштовѣ до 23 ч. августа; фрегатъ же ушелъ впередъ. Во время сего слѣдованія, корабль нашъ претерпѣлъ великій вредъ отъ морской штурмы; а отъ невыкачиванія четверы сутки воды, наконилось оной до 4 футъ. 23 ч. августа, англійскій корабль, ведшій насъ на бакштовѣ, не могъ уже, по-видимому, далѣе слѣдовать въ Англію; и потому, оставя насъ на волѣ, самъ ушелъ отъ насъ изъ виду. До ухода же своего за сутки, прислалъ ко мнѣ на корабль двухъ моихъ лучшихъ матрозовъ. И такъ, послѣ ухода отъ насъ англійскаго корабля, подъ управленіемъ англійскаго офицера и семи его матрозовъ, продолжали мы путь къ Англіи еще четверы сутки, мучась безпокойст-

вомъ и одержимы страхомъ, неся плѣнническое бремя, безъ сна и ѣды, болѣе 10 сутокъ *). Почему сіи стѣсненныя обстоятельства вынудили меня либо лишиться вовсе жизни, либо спасти оную и хозяйскій животъ (имущество) отъ плѣненія: и я, въ чаяніи на помощь Божию, началъ соглашать своихъ остальныхъ при мнѣ четырехъ матрозъ къ избавленію собственности, кои, по убѣдительной моей просьбѣ, согласились на то, исключая штурмана, который не былъ на то согласенъ, а болѣе отвлекалъ и держалъ сторону нашему намѣренію противную,—въ пользу непріятеля. Оставя его, согласился я вмѣстѣ съ моими матрозами. Въ 30 день августа, по-утру въ 5 часовъ **), избравъ удобное время, приступили къ начатію предпринятаго нами дѣла. Усмотрѣвъ, что офицеръ, и съ нимъ 6 матрозъ въ каютѣ всѣ спали, то ни мало не мѣшкая, ос-

*) Ниже Герасимовъ говоритъ, однакожь, что они кормили запертыхъ внизу англичанъ.

***) День тезоименитства Императора Александра Павловича,—заутрениа.

тавя ихъ спящими, и съ ними не согласившагося съ нами штурмана и больнаго своего юнгу, заперли каютныя двери на-крѣпко, увязали запоръ и заколотили съ вонной стороны; а находящагося на кораблѣ англійскаго часоваго, видѣвшаго наше дѣйствіе, бросили съ корабля въ воду, поворота, при бывшемъ тогда способномъ вѣтрѣ, къ норвежскимъ берегамъ. При управленіи рулемъ и парусами, я былъ самъ въ пятыхъ. Между тѣмъ, пассажиры наши, проспнувшись въ каютѣ, начали стараться всячески изъ-подъ стражи вырваться на свободу: палили оттуда изъ долотъ, употребляя при томъ все силы къ изломанію каюты; но при всей ихъ тревогѣ, болѣе трехъ сутокъ употребляемой, не могли оттоль освободиться, будучи угрожаемы отъ насъ показываніемъ имъ орудія къ лишенію жизни. Наконецъ, утомясь, они просили для утоленія своей жажды пить воды, которая, равно и пища, отъ насъ была имъ подаваема. Находясь въ такомъ странномъ и отчаянномъ положеніи, и сами сдѣлались мы бессильны и съ нуждой достигли 6 ч. сего мѣсяца датскихъ береговъ, не

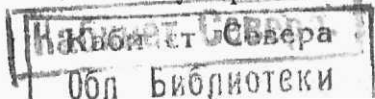
осмѣлясь уже слѣдовать вдаль въ Россію съ непріятелями. Приплывъ къ городу Варгаеву и остановясь тутъ, я съѣхалъ на гору (берегъ) и явился къ тамошнему комменданту, объявля причину моего къ нему прихода. И онъ, сколько могъ отъ меня понять, отрядилъ одного унтеръофицера съ 10 рядовыми ко мнѣ на корабль, при коихъ я каютныя двери отворилъ, откуда сперва вышелъ англійскій офицеръ, который добровольно отдалъ мнѣ шпагу, кортикъ и карманный кинжалъ; а потомъ за нимъ вышли по одиночкѣ и матрозы его шесть человекъ: и всѣ оныя люди забраны были датскою командою и увезены въ городъ, куда и я велѣдъ представилъ тѣхъ англичанъ лично комменданту. Въ полученіи оныхъ далъ онъ мнѣ на датскомъ языкѣ свидѣтельство, и, по полученіи онаго, пробывъ за противными вѣтрами около 4 сутокъ, отѣхалъ я на томъ же кораблѣ и прибылъ сюда, съ намѣреніемъ выгрузить здѣсь рожь, по случаю течи въ кораблѣ, отъ морской штурмы подмочки ржи, дабы вся она не могла повертиться отъ лежанія въ мокротѣ, и, по выгрузкѣ, отдѣлить мок-

рую рожь отъ сухой. Англійскіе: шпага, кортикъ и кинжалъ, состоятъ при миѣ, а датское свидѣтельство при семь представляю».

Подписали: М. Герасимовъ и бывшіе съ нимъ на суднѣ: боцманъ Иванъ Васильевъ, матрозы: Петръ Пѣтуновъ, Фед. Нахомовъ и Мих. Сусловъ.

Герасимовъ подалъ объявленіе это кольскому городничему Ф. В. Голубеву (16 сентября) и просилъ, освидѣтельствовавъ корабль, дозволить разгрузить его; но такъ-какъ Евплусъ находился тогда еще въ кольской губѣ, слѣдовательно въ уѣздѣ, то городничій Голубевъ и не могъ исполнить его просьбы. Между тѣмъ, съ первою же почтою (20 сентября) донесъ обо всемъ этомъ губернскому правленію и военному губернатору, адмиралу М. П. фонъ-Дезину, отославъ къ нему и датское свидѣтельство.

Спустя два дня, по отходѣ почты, т. е. 22 сентября, корабль Евплусъ 2-й пришелъ къ г. Колѣ. Тогда городничій освидѣтельствовалъ его при цолнерѣ, маклерѣ и двухъ присяжныхъ свидѣтеляхъ отъ ратуши; допросилъ матрозовъ подъ присягою, и они утвердили объ-

явленіе Герасимова; сиромилъ штурмана Спиридонова, и тотъ далъ объясненіе. изъ котораго видно только то, что «онъ «былъ не изъ храбрецовъ..... По ос- «смотрѣ корабля, оказалось, что дѣйстви- «тельно оный поврежденъ и снасть на «ономъ попорчена, а рожь въ носовомъ «люкѣ отъ мокроты такъ сгорѣлась, что «ни на какую уже пищу негодна». А потому и дозволено было Герасимову выгрузить ее въ обывательскіе анбары, однако же подѣ присмотромъ таможен- ной заставы.

О подвигѣ Герасимова, Мартинъ Пет- ровичъ увѣдомилъ министра полиціи, а губернское правленіе довесло правитель- ствующему сенату, велѣвъ городничему отобрать отъ Герасимова шпагу, кортикъ и кинжалъ, и хранить ихъ въ городни- ческомъ правленіи, до особаго повелѣнія. Однако М. А. вещей этихъ не отдалъ, отозвавшись такъ: «шпаги, кортика и «кинжала отлагъ не намѣренъ, и про- «шу оставить при мнѣ, ибо оныя до- «стались мнѣ добычею отъ непріятеля и «ни куда ихъ не утрачу, а буде началь- «ству оныя необходимо потребны бу- «дутъ, то я вмѣстѣ съ оными и самъ

«предъ правительствомъ предстать могу;
«да сверхъ того еще у меня имѣются
«англійскіе военный флагъ и планъ го-
«рода Лондона, врученные мнѣ тѣмъ же
«англійскимъ офицеромъ, вмѣстѣхъ съ
«вышеписанными орудіями, о коихъ
«флагъ и планъ, въ предподанной мною
«бумагѣ, объявить замятоваль».

По всеподданнѣйшему докладу мини-
стра полиціи, Государь Императоръ
Александръ Павловичъ, «въ вознаграж-
«деніе предприимчивости Герасимова,
«столь отличной его храбрости, Всемило-
«стивѣйше соизволилъ пожаловать ему
«знакъ отличія военнаго ордена, для
«ношенія по установленному порядку».
Знакъ этотъ, по полученіи отъ мини-
стра полиціи, адмиралъ фонъ - Дезинъ,
26 апрѣля 1811 года, отослалъ къ коль-
скому городничему, для врученія Гера-
симову, и предложилъ тамошней ратушѣ
извѣстить объ этомъ все городское обще-
ство.

Герасимовъ, въ январѣ того же года,
пріѣзжалъ въ Архангельскъ, и, вѣроятно,
по совѣту Мартина Петровича, предста-
вилъ флагъ и прочія вещи въ губерни-
ское правленіе для храненія, пока не

получится о нихъ разрѣшенія отъ мѣстнаго стра полиціи. И дѣйствительно они возвращены были ему, по предложенію военнаго губернатора, адмирала А. Г. Спиридова, 12 іюля 1812 года.

Въ 1823 году, Матвѣй Андреевичъ былъ лоцманомъ на бригѣ «Новая Земля», подъ командою капитанъ лейтенанта (послѣ вице-адмирала) О. И. Литке, во время третьяго плаванія къ Новой Землѣ, и за усердіе, оказанное при описи лапландскаго берега, Всемилостивѣйше награжденъ золотою медалью на аниинской лентѣ.

М. А. Герасимовъ былъ довольно высокъ ростомъ, собою плотенъ и широкоплечъ, имѣлъ видъ рѣшительный, лицо продолговатое, длинныя, мускулистыя руки, которыя любилъ закладывать за спину, бороду брилъ. Обыкновенный костюмъ его составляли: круглая шляпа, сѣрый фракъ, черныя штаны и длинныя сапоги, на шеѣ золотая медаль, въ петлицѣ Георгіевскій крестъ.

5.

Петръ Козмицъ Пахтусовъ.

Вотъ біографія человека, который хотя не принадлежалъ по рожденію сво-

ему нашей губернии, по которой юнѣшескіе годы свои и большую часть службы провелъ въ Архангельскѣ. Это побудило насъ помѣстить здѣсь краткій обзоръ жизни П. К. Пахтусова, занимаемый изъ № 210 С.-Петербур. Вѣд. 1875 г.,

Петръ Козмичъ Пахтусовъ родился въ 1800 г., въ Кронштадтѣ. Отецъ его былъ отставной шкиперъ 13 класса, родомъ изъ Сольвычегодска, Вологодской губернии; тамъ, съ родителями, провелъ Пахтусовъ свое младенчество. На осьмомъ году возраста лишился онъ отца; его мать переѣхала тогда жить сюда, въ Архангельскъ, и онъ отданъ былъ въ военно-сиротское отдѣленіе, послѣ бывшій полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ. Тутъ началъ онъ учиться отлично-прилежно; тѣмъ болѣе, что не имѣлъ быстрыхъ способностей: Бѣдность матери поставляла его въ необходимость собирать въ адмиралтействѣ щепу; онъ часто отдавалъ ее писарямъ, получая отъ нихъ на обмѣнъ бумагу и прочее; въ чемъ нуждался для ученія. Кромѣ прилежанія, по лѣтамъ своимъ, былъ онъ чрезвычайно силенъ и смѣлъ; имѣя

собственную лодку, ѣзжалъ верстѣ 50 отъ Архангельска на взморье, одинъ ловить рыбу и стрѣлять птицъ. Это рано приучило его къ морю и вообще къ трудамъ и дѣятельности. Онъ сдѣлался славнымъ стрѣлкомъ и пловцомъ; такъ-то учить нужда!

Между тѣмъ, ученье его шло такъ успѣшно, что онъ обратилъ на себя вниманіе начальства, и въ 1816 г. былъ переведенъ въ штурманское училище, въ Кронштадтъ. Переѣздъ туда океаномъ, онъ сдѣлалъ на военномъ кораблѣ. Это было первое его морское путешествіе; впослѣдствіи онъ плавалъ ежегодно. Скажемъ о замѣчательнымъ его плаваніяхъ.

Въ 1818 году, возвращаясь изъ Испаніи на купеческомъ транспортѣ «Карминъ», подъ командою капитанъ-лейтенанта Богданова, претерпѣли они крушеніе у мыса Скагена (на Ю оконечности Ютландіи). При этомъ несчастіи, погибъ со славою достойный ихъ начальникъ, не хотѣвшій оставить корабля своего иначе, какъ послѣднимъ; съ нимъ утонули офицеръ и нѣсколько матрозовъ. Спасшіеся, въ томъ числѣ и Пахтусовъ,

перевезены были въ Копенгагенъ, гдѣ провели зиму, а лѣтомъ 1819 года возвратились благополучно въ Кронштадтъ. Этотъ случай, въ самомъ началѣ морской службы Пахтусова, познакомилъ его съ ея опасностями и трудностями, и, можно сказать, закалилъ сердце его противъ ударовъ двухъ стихій, воды и воздуха, съ которыми, впоследствии, онъ такъ неутомимо боролся.

Въ 1820 году, Пахтусовъ былъ выпущенъ изъ училища, штурманскимъ помощникомъ унтеръ-офицерскаго чина, и въ то же лѣто посланъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ моремъ. Съ этого времени началась дѣйствительная его служба, въ настоящемъ значеніи этого слова; онъ, до конца жизни своей, почти постоянно участвовалъ въ разныхъ ученыхъ и трудныхъ экспедиціяхъ на сѣверѣ.

Въ 1821, 1822 и 1824 г. былъ помощникомъ штурмана 12 класса Иванова, при описи рѣки Печоры и берега Ледовитаго океана, къ востоку отъ нея до острова Вайгача.

Въ эту экспедицію, Пахтусовъ коротко ознакомился съ природою того края,

и съ безстрашнымъ характеромъ и предприимчивостью его жителей. Это породило въ немъ мысль и охоту проникнуть на неприступный дотолѣ восточный берегъ острова Новой - Земли, и описать его; мысль, въ которой онъ утвердился, еще болѣе во второе пребываніе свое на сѣверѣ, въ 1826 году. Тогда, находясь подъ командою штурмана Бережныхъ, они описали берегъ Ледовитаго океана, къ западу отъ Печоры до Бѣлаго моря, и островъ Калгуевъ.

Съ 1821 году Пахтусовъ, переименованный въ кондукторы корпуса флотскихъ штурмановъ, занимался, подъ начальствомъ капитанъ - лейтенанта М. Ф. Рейнеке, описью и промѣромъ Бѣлаго моря, участвуя въ этой экспедиціи во все время ея дѣйствій, кромѣ послѣдняго 1832 г., когда уже онъ получилъ, какъ ниже увидимъ, другое, болѣе важное назначеніе.

Въ 1828 г. произведенъ онъ былъ въ прапорщики, а въ 1831 г. въ подпоручики; но чины не удовлетворяли его желаніямъ. Онъ думалъ только о своемъ предпріятіи, и, къ счастью, познакома-

ся, въ 1829 г. съ ученымъ лѣсничимъ г. Клоковымъ, который, предполагая открыть плаваніе Ледовитымъ моремъ къ рѣкѣ Енисею, для торговли съ сибирскими губерніями, считалъ необходимымъ описать и Новую-Землю, какъ станцію на этомъ пути, особенно восточный ея берегъ. Планъ этотъ не удалось имъ выполнить прежде 1832 года. Тогда г. Клоковъ склонилъ коммерціи совѣтника Бранта съ сыномъ отправить на общемъ изживеніи экспедицію къ рѣкѣ Енисею и на Новую-Землю. Правительство, утвердивъ проектъ ихъ, даровало имъ, на свободные промыслы морскихъ звѣрей въ Ледовитомъ морѣ, 25 лѣтнюю привилегію.

Экспедиція состоялась. Лейтенантъ Кротовъ принялъ на себя открытіе пути въ Енисей, а Вахтусову поручена опись восточнаго берега Новой-Земли. Можно представить себѣ его восторгъ, его пламенное стремленіе выполнить давно обещанное самому себѣ и другимъ.

Путешествіе Вахтусова на Новую-Землю, въ 1832 и 1833 г., описано въ 1 й части Записокъ Гидрографическаго Департамента 1844 г., и хотя оно со-

вершено имъ отъ частной компаніи, но за труды и успѣхи въ немъ Пахтусовъ награжденъ былъ орденомъ Св. Анны 3 ст., и, въ 1834 г., ему поручено было продолженіе прежней описи, уже отъ правительства. Для этого дали ему два судна: шхуноръ и карбасъ.

Въ 1835 г., Пахтусовъ благополучно прибылъ въ Архангельскъ, 7 октября, послѣ путешествія, продолжавшагося 14 съ пол. мѣсяцевъ. Но недолго Пахтусовъ наслаждался тутъ спокойствіемъ. Его здоровье, разстроенное уже трудами, понесенными въ печорской, бѣломорской и новоземельской экспедиціяхъ совершенно его оставило. Послѣ двухнедѣльнаго страданія, Пахтусовъ умеръ 7 ноября 1835 г., ровно черезъ мѣсяць по возвращеніи изъ путешествія. Въ послѣдніе дни предсмертной болѣзни Пахтусова, часто навѣщалъ его архангельскій военный губернаторъ, адмиралъ Романъ Романовичъ Галль. Такое вниманіе столь почтенной и заслуженной особы есть лучшее доказательство уваженія, прибрѣтеннаго Пахтусовымъ, и отеческаго попеченія достойнаго начальника о своихъ подчиненныхъ.

И такъ , Петръ Козмичъ Пахтусовъ жилъ только 35 лѣтъ , а служилъ 15 лѣтъ: немного времени, но много дѣлъ! Дѣла его не громки, но истинно полезны жителямъ Бѣлаго моря, которые, по слѣдамъ Пахтусова, гораздо смѣлѣе прежняго пускаются для промысловъ на Новую-Землю. Довольно будетъ сказать, что лѣтомъ 1831 года, тамъ было только одно промышленниче судно, а въ 1835 г. 118 судовъ. Вотъ гдѣ прямая польза трудовъ Пахтусова. Отъ нихъ выиграла также географія и, отчасти, нѣкоторыя естественныя науки.

Съ такими бѣдными средствами, какія имѣлъ Пахтусовъ въ первое путешествіе на Новую Землю, едва ли бы взялся за исполненіе этого дѣла самъ россъ, столько привыкшій къ трудамъ полярныхъ путешествій.

Кромѣ дѣятельности и трудолюбія, какъ главныхъ отличительныхъ качествъ Пахтусова, онъ былъ рѣшительнъ, смѣлъ и иногда горячъ, но всегда соединялъ это съ благоразуміемъ. По настойчивости же и твердой рѣшимости характера его, безъ всякаго увеличенія, можно сравнить съ Кукомъ. Но кругъ

дѣйствія этого мореплавателя была земной шаръ, а главная дѣятельность и извѣстность Пахтусова ограничиваются Новою - Землею. Тамъ поставилъ онъ себѣ вѣчный памятникъ.

Иравительство не оставило заслугъ Пахтусова безъ награды: онъ былъ мѣнѣе восьми лѣтъ офицеромъ; но семейству его назначенъ полный пенсіонъ.

6.

Ломоносовъ (Михаилъ Васильевичъ):

Ломоносовъ (Михаилъ Васильевичъ); стат. совѣт., профессоръ с. петербургской Академіи Наукъ, членъ Академіи стокгольмской и болонской, рол. въ деревнѣ Денисовской, на острову Двинны, недалеко отъ Холмогоръ; въ 1711 г. Отецъ его, Василій Дорофеевъ; государственный крестьянинъ, промысловъ рыбакъ, человекъ въ своемъ дѣлѣ опытный и смысленный, плававшая на чайкѣ собственнаго изобрѣтенія по Бѣлому морю и Сѣверному океану, за полярный кругъ, бралъ съ собою сына. Проводя лѣто среди опасностей и бурь, въ созерцаніи дикихъ и величественныхъ картинъ сѣверной природы, Михаилъ Ломоносовъ проводилъ зиму въ чтеніи.

Выучившись у дьячка грамотѣ, онъ сдѣлался лучшимъ чтецомъ, и на клиросѣ и на амвонѣ изумлялъ прихожанъ выразительностью и пріятностью своего голоса. Долго читалъ онъ однѣ церковныя книги; наконецъ досталъ славянскую грамматику, арифметику (Магвицкаго) и псалтырь, переложенную въ стихи Симеономъ Полоцкимъ. Но этого было для него не надолго. Онъ выучилъ наизусть свою библіотеку, искалъ другихъ книгъ и получалъ въ отвѣтъ на свои распросы, что въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ Кіевѣ есть много книгъ, и хорошихъ. Жажда къ познаніямъ превозмогла въ немъ любовь къ родному краю и семейству. На семнадцатомъ году, въ одну зимнюю ночь, налѣвъ двѣ рубашки и нагольный тулупъ, и взявъ съ собою грамматику и арифметику, онъ вышелъ изъ родительскаго дома; въ 70 верстахъ отъ Денисовской, настигъ караванъ съ мерзлою рыбою, отправившійся оттуда наканунѣ, и съ нимъ пришелъ въ Москву. Тамъ увидѣлъ его землякъ, прикащикъ какого-то господина, узналъ о причинѣ его бѣгства изъ родительскаго дому, и по-

знакомилъ его съ однимъ монахомъ ; при покровительствѣ монаха , Ломоносовъ былъ принятъ ученикомъ въ Заиконоспаское училище ; быстро переходилъ изъ класса въ классъ , сталъ понимать и писать по латыни , учился языку греческому ; но , не находя удовлетворенія воображенію и уму въ тогдашней философіи , въ скудныхъ урокахъ словесности , занялся исключительно физикою и математикою , по усиленной просьбѣ былъ посланъ на годъ въ Кіевъ , но и тамъ вскорѣ наскучилъ . Наконецъ , въ 1734 году , къ крайней радости своей , былъ переведенъ въ гимназію при с . петербургской Академіи Наукъ , и посвятилъ себя изученію физики , химіи и минералогіи . Черезъ два года посланъ съ другимъ студентомъ , Виноградовымъ , для окончанія наукъ въ Германію , сначала въ Марбургъ , славившійся своимъ профессоромъ Христ. Вольфомъ , а потомъ въ Фрейбургъ , для изученія горнаго искусства подъ руководствомъ Генкеля . Черезъ годъ воротился въ Марбургъ , и усердно продолжалъ прежнія занятія . Въ 1740 году женился тамъ на дочери

портнаго , своего хозяина , и вскорѣ сдѣлался отцомъ. Эти обстоятельства разстроили весь планъ его жизни : малымъ жалованьемъ не могъ онъ содержать семейства , впалъ въ долги , и , угрожаемый тюрьмою , бѣжалъ изъ Марбурга , съ намѣреніемъ пробраться въ Любекъ , или въ Голландію , и оттуда отправиться моремъ въ Петербургъ. За Дюссельдорфомъ попался въ руки прусскимъ вербовщикамъ , и былъ приведенъ въ Везель , но успѣлъ бѣжать , и разными путями достигъ Амстердама , оттуда отправился въ Петербургъ; вскорѣ былъ опредѣленъ при Академіи Наукъ адъюнктъ-проф. химіи , а потомъ произведенъ въ профессора. Поправивъ дѣла , онъ вызвалъ свое семейство изъ Германіи , и провелъ всю жизнь въ занятіяхъ науками , искусствами и словесностью. Труды и успѣхи его обратили на него вниманіе августѣйшихъ особъ: Императрица Елисавета Петровна пожаловала ему вотчину (Коровалдай , Усть-Рудицы), Петербургской губ., петергофскаго уѣз. Всѣ знаменитые и ученые люди того времени знали и любили Ломоносова. Онъ ум. 4 апр. 1765 г.

— Ломоносовъ занимаетъ самое почетное мѣсто между поэтами и учеными вѣка Елисаветы и Екатерины В. Гениемъ своимъ онъ одинаково принадлежалъ обоимъ факультетамъ, словесному и физико-математическому, и примѣромъ показалъ, какъ можно дружить и совмѣщать математическія и естественныя науки съ словесными. Онъ былъ первый нашъ поэтъ, филологъ, освѣтившій факеломъ своего гения храмъ роднаго языка, нашъ Эйлеръ, Бернулли, Франклинъ, замѣчательный нашъ историкъ и географъ, и наконецъ членъ общества, посвятившій безусловно себя на служеніе отечеству. Ломоносовъ первый ввелъ въ нашу поэзію тоническій размеръ и съ его *Оды на взятіе Хотина* начинается собственно русская поэзія. — Въ созданіи языка, онъ дополнилъ, можно сказать, дѣло Петрова и возобновилъ еще сильнѣе связь между Россією древнею и новою: онъ глубоко постигъ необходимость соединенія элемента литературно церковнаго съ русскимъ народнымъ. Время жизни Ломоносова, главные его занятія, тогдашніе обычаи, все это стѣснило кругъ его

поэтической дѣятельности: онъ ограничился одами духовными и торжественными. Геній его былъ исключительно лирической: ни драма, ни эпопея ему не удавались. Въ прозѣ написалъ онъ два похвальные слова, величественныя, громкія, пѣтущія красотами; но эти слова были плодомъ ученія, подражанія, труда, а не произведеніемъ природнаго вдохновенія, какъ его оды. Русская грамматика Ломоносова обнаруживаетъ глубокія познанія его въ отечественномъ языкѣ: она впервые утвердила формальные правила нашего языка, которыхъ большая часть и до сихъ поръ остается неизмѣнною, — долгое время служила единственнымъ руководствомъ въ практическомъ его употребленіи, и положила прочныя основанія дальнѣйшимъ трудамъ нашихъ филологовъ. Ломоносову принадлежитъ также слава первокласнаго испытателя природы: въ его разсужденіяхъ о различныхъ предметахъ естествознанія заключаются мысли обширныя и поучительныя; не смотря на нынѣшнее совершеннѣйшее состояніе наукъ, его геній провидѣлъ истину, доказанныя ны-

нѣ многочисленными опытами. Ученіе новѣйшаго геолога Эли-де-Бомона и доказательства его совершенно сходны съ доказательствами Ломоносова, который приписывалъ образованіе материковъ и горъ дѣйствию полземнаго огня, вопреки господствовавшему въ то время ученію Вернера, считавшаго волю главною причиною образованія материковъ. Такое же значеніе имѣеть и мнѣніе Ломоносова о различіи климата въ странахъ, лежащихъ подъ одинаковыми широтами. Мнѣніе его о происхожденіи и сущности электричества возобновлено черезъ 50 лѣтъ Румфордомъ, а положенія его о причинѣ тепла — приняты большею частью физиковъ. Изучая движенія, случающіяся въ окружающемъ воздухѣ и обогатясь свѣдѣніями, относящимися къ физической географіи, совершенно неизвѣстными его современникамъ, онъ открылъ и доказалъ существованіе вертикальныхъ теченій воздуха, — явленіе, которое принадлежитъ нынѣ къ числу главныхъ началъ метеорологіи. Онъ совершенно удовлетворительно объяснилъ многія обстоятельства, сопровождающія грозу; какъ-то

проливной дождь, котораго происхождение для новейших физиков, не знавших сочинений Ломоносова, оставалось загадкой до Соссюра и Дальтона. Изъ всехъ своихъ современниковъ, онъ одинъ проникъ истинную причину образования сѣвернаго сіянія. Вообще изысканія Ломоносова въ физической географіи и метеорологіи, свидѣтельствуя о глубокихъ его свѣдѣніяхъ, указываютъ намъ на тѣ самыя открытія, которымъ удивляемся нынѣ въ сочиненіяхъ Гумбольдта и Араго. Учрежденныя почти во всехъ странахъ свѣта, по совѣту Гумбольдта, параллельныя метеорологическія наблюденія посредствомъ сравненныхъ барометровъ, были уже предлагаемы нашимъ русскимъ естествоиспытателемъ. Его первыя основанія металлургіи свидѣствуютъ о познаніяхъ въ этомъ предметѣ. Объ историческихъ мнѣніяхъ Ломоносова у насъ господствуютъ самыя несправедливыя понятія: Шлецеръ умышленно искажалъ его, и Ломоносовъ, впродолженіе 14 лѣтъ (1751—1764) удѣлявшій часть своего времени занятіямъ историческимъ, познакомившійся со множе-

ствомъ иностранныхъ и отечественныхъ источниковъ, прослылъ *неученымъ историкомъ*, вслѣдствіе враждебныхъ отзывовъ Шлецера. М. А. Максимовичъ и Н. П. Надеждинъ первые отозвались выгодно о Ломоносовѣ-историкѣ; подробный отчетъ объ историческихъ мнѣніяхъ Ломоносова помѣщенъ П. Савельевымъ — Ростиславичемъ въ его «Славянскомъ Сборникѣ» (стр. LXIV — LXXXIII). Во время завѣдыванія своего бывшимъ географическимъ департаментомъ, неутомимый Ломоносовъ прилагалъ всевозможныя старанія къ изданію новаго исправленнаго атласа и вѣрной, обстоятельной географіи Россіи; но недоброжелательныя поступки профессоровъ Миллера и Гиршена замедлили ходъ этихъ прекрасныхъ предпріятій. Въ искусствахъ онъ прославился близкимъ подражаніемъ итальянской мозаикѣ. Такимъ образомъ, Ломоносовъ представляетъ намъ первый образецъ русскаго всесторонняго ученаго: потому для насъ особенно важно разсмотрѣть, какъ онъ разумѣлъ отношеніе науки къ религіи, къ жизни практической, какъ разумѣлъ связь наукъ между собою,

какъ соединялъ науку съ искусствомъ. Мысли его объ этомъ изложены въ статьѣ «Наука». — Вліяніе Ломоносова на усовершенствованіе возникавшихъ въ Россіи учрежденій по части образованія весьма важно. Мысль его проникала въ эти учрежденія, боролась съ мнѣніями, прямо противными завѣщаніямъ Петра Великаго, отстаивала русскій умъ и честь и, казалось, что самолюбіе его страдало до слезъ повсюду, гдѣ не было вѣры въ способность русскую. Каждая почти строка сохранившихся собственноручныхъ бумагъ по его служебной дѣятельности (они напечатаны въ «Очеркахъ Россіи», изд. Пассекомъ, кн. II и V), болѣе или менѣе ясно проявляютъ ту ревность къ преуспѣванію наукъ въ Россіи, негодованіе противъ не довѣрившихъ русскому дарованію, которыя всю жизнь одушевляли Ломоносова и возбуждали въ немъ непрерывную дѣятельность. Эти бумаги — лучшій очеркъ нашего тогдашняго умственнаго развитія; это грамоты на отечественныя и ученыя заслуги Ломоносова. Что касается его характера, то изъ этихъ же бумагъ видна необыкновенно

нейная твердость и благородная стойкость въ мѣвнiяхъ, вездѣ, гдѣ только идетъ дѣло о чести и пользѣ Россiи. Единственная дочь Ломоносова была замужемъ за библиотекаремъ при Императрицѣ Екатеринѣ, Константиновымъ, который имѣлъ двухъ дочерей, Екатерину и Софію. Заклучимъ сужденіе наше о Ломоносовѣ словами Карамзина: «Если генiй и дарованiя ума имѣють право на благодарность потомства, то Россiя должна Ломоносову монументомъ!» — Патріотическое желаніе сбылось: въ Архангельскѣ воздвигнуть памятникъ Ломоносову благодарнымъ потомствомъ.

7.

Антипъ Тимофѣевъ Пановъ.

Замѣчательенъ искусствомъ мореплаванiя. Петръ Великій, во второе посѣщеніе Архангельска, въ 1694 году, 29 мая отправился, съ архіезискомъ Аѳанасіемъ и съ большою свитой, на архіерейской вѣтѣ, въ Соловенкiй монастырь. Жестокая буря застигла плавателей. Всѣ приобщались св. таинъ и прощались другъ съ другомъ. Царь былъ боленъ, угѣщаясь всѣхъ и, узнавъ, что на кораблѣ

находится опытный лодмакъ, архіерейскій перевозчикъ Антипъ Тимофѣевъ, отдалъ ему команду, приказавъ вести судно въ безопасную пристань. Антипъ направился къ губѣ Унскіе рога. Боясь опаснаго прохода, Царь вмѣшался въ его распоряженія. «Если ты отдалъ команду мнѣ, такъ поди прочь! Здѣсь мое мѣсто, я не твое, и я знаю, что дѣлаю», закричалъ на него сердито Антипъ. Царь смиренно удалился и только, когда Антипъ счастливо присталъ къ берегу, проведя яхту среди подводныхъ камней, смѣясь, напомнилъ лодману: «а помнишь, братъ, какъ ты отдалъ меня». Кормщикъ упалъ на колѣни; но Царь поднялъ его, обнялъ и сказалъ: «ты былъ правъ, а я виноватъ; въ самомъ дѣлѣ, вмѣшался не въ свое дѣло!» Онъ подарилъ Антипу бывшее на немъ мокрое платье на память и шапку, выдалъ 5 руб. на одежду, 25 руб. въ награду и на всегда освободилъ его отъ монастырскихъ работъ.

Въ память спасенія, Царь срубилъ собственными руками огромный деревянный крестъ, снесъ его, съ другими, къ берегу и водрузилъ на мѣстѣ, гдѣ

судно причалило. Крестъ этотъ, съ 1806 года, находится въ архангельскомъ кафедральномъ соборѣ.

8.

✓ *Рябовъ (Иванъ).*

Рябовъ (Иванъ), лоцманъ архангельскій, имя котораго связано въ исторіи русской военной славы съ подвигомъ, доставившимъ намъ *первый* военный морской флагъ другой націи. 24 іюня 1701 года пришелъ къ устью Сѣверной Двины шведскій военный флотъ изъ 4 кораблей, 2 фрегатовъ и яхты, подъ англійскимъ и голландскимъ флагами. На другой день, фрегаты и яхта, ведомыя нашими плѣнными, захваченными, когда они пріѣхали для осмотра судовъ, пошли въ рѣку. Лоцмана эти поставили одинъ фрегатъ и яхту на мель, противъ Новозвинской крѣпости, за что и были разстрѣлены и брошены въ воду. Но одинъ изъ нихъ, Иванъ Рябовъ, будучи только тяжело раненъ, собравъ послѣднія силы, доплылъ до берега съ вѣстію, что фрегатъ стоитъ на мели. Солдаты наши, на рыбацкихъ лодкахъ, во множествѣ поѣхали абордировать его. Шведы, увидѣвъ это,

тотчасъ оставили фрегатъ и перебрались на другой. Наши солдаты, занявъ оставленный фрегатъ и яхту, пушки обратили противъ другаго, чѣмъ и принудили его удалиться къ своему флоту. Флагъ, полученный при этомъ случаѣ, Всемилоствѣйше былъ пожалованъ архангельскому архіепископу Аѳанасію, вмѣстѣ съ тремя пушками, и хранится нынѣ въ архангельскомъ кафедральномъ соборѣ. Это происшествіе послужило сюжетомъ пьесы: «Иванъ Рябовъ, рыбакъ архангельскій».

9.

Михайло Васильевъ Пахоловъ.

Крестьянинъ архангельскаго уѣзда, деревни Зимней Золотицы, ознаменовалъ себя спасеніемъ въ Бѣломъ морѣ, въ генварѣ 1860 года, послушника соловецкаго подворья въ Архангельскѣ Харитоновъ и проводниковъ его—крестьянъ онежскаго уѣзда: Абрамова, Самойлова и Куликаева, слѣдовавшихъ въ Архангельскъ, съ почтою изъ Соловецкаго монастыря. Узнавъ о предстоявшей имъ гибели, Пахоловъ, съ крестьяниномъ Ануфриевымъ, перенялъ на лодку несчастныхъ, въ 5 верстахъ отъ берега,

съ трудомъ проламывая ледъ на пространствѣ одной версты, и доставилъ ихъ на берегъ, въ промысловую избу. Въ состраданіи къ ужасному положенію перенятыхъ имъ путниковъ, Нахоловъ согрѣлъ ихъ въ избѣ, одѣлъ въ свое сухое платье, накормилъ чѣмъ было, и за ними ухаживалъ. Видя слабость ихъ силъ, отъ трехнедѣльнаго крушенія, почти безчувственныхъ, съ обмороженными руками и ногами, не смотря на ихъ просьбу сходить въ свою деревню за лошадьми, чтобъ перевезти ихъ туда, предусмотрительный Нахоловъ не покидалъ ихъ, боясь, чтобъ, при утомленіи въ пути, въ истопленной избѣ они не угорѣли. По восстановленіи силъ, онъ перевезъ ихъ въ деревню Зимнюю Золотицу и пріютилъ въ своей квартирѣ. Они жили тутъ три дня; сострадательный Нахоловъ и здѣсь кормилъ и поилъ ихъ, одѣвалъ въ свое платье и обувалъ, такъ какъ они не могли владѣть своими обмороженными руками. По выздоровленіи путниковъ, 15 ч. Нахоловъ отправился съ ними въ Архангельскъ, и, вечеромъ, 18 ч., доставилъ ихъ на соловецкое подворье.

Въ лицѣ Пахолова вполнѣ выразился простой русскій человѣкъ, съ своимъ искреннимъ добросердечіемъ и живымъ сочувствіемъ къ несчастію ближняго.

10.

Федоръ Тимофѣевичъ Загуляевъ.

Федоръ Тимофѣевичъ родился въ 1792 году и происходилъ изъ нижняго военнаго званія. Изучивъ начальную грамоту въ домѣ родителей, и, одаренный самороднымъ умомъ, наблюдательностію и любовію къ искусству кораблестроенія, онъ, путемъ настойчиваго труда, неутомимой дѣятельности и практическаго навыка въ дѣлѣ, успѣлъ достичь той степени знаній и служебныхъ отличій, которая могла быть доступна и возможна для него по силамъ:

Служилъ въ трудѣ онъ и неложно

До самаго заката дней,

И все свершилъ, что было можно,

Для пользы родины своей.

Въ 1804 году поступилъ онъ на службу мачтовымъ ученикомъ въ команду интендантскаго Отдѣленія при Архангельскомъ Портѣ, и съ того времени до смерти не покидалъ Архангельска, достигнувъ на восемнадцатомъ году своего

служебнаго поприща, званія помощника корабельнаго мастера 14 класса. Въ этотъ свѣтлый періодъ жизни, свободное отъ службы время не бросалъ онъ на удовольствія, свойственныя молодости, но съ пылкою любовію юноши изучалъ кораблестроеніе, ревниво усвоивая все, что только могли представить и дать тогдашніе бѣдные учебники, въ которыхъ для ума пытливаго, но неподготовленнаго систематически къ уразумѣнію высшихъ физическихъ и математическихъ законовъ и началъ, съ упорной таинственностію скрывалась цѣль его стремленій, Альфа и Омега корабельной архитектуры, — все приводилось труженнику брать съ боя, и брать не прямо, а путемъ практическаго анализа. Ближайшими наставниками и руководителями покойнаго въ дѣлѣ изученія предмета были тогдашніе корабельные мастера А. М. Курочкинъ, а впоследствии В. А. Ершевъ (нынѣ генераль-маіоръ), о которыхъ, и особенно о первомъ, Федоръ Тимофѣевичъ всегда вспоминалъ съ чувствомъ глубокой признательности и благодарности.

Военная служба Федора Тимофѣевича

въ офицерскихъ чинахъ началась съ 22 декабря 1826 года, когда онъ былъ переименованъ въ прапорщики корпуса корабельныхъ инженеровъ. За симъ слѣдовало быстрое повышение его чинами, такъ что въ 1838 году, т. е. чрезъ двѣнадцать лѣтъ, онъ былъ уже подполковникъ — шагъ славный и не всякому сподручный: ибо покойный прокладывалъ служебную тропинку безъ особой протекціи, безъ всякаго научна-го образованія, а однимъ личнымъ ревностнымъ и настойчивымъ трудомъ. Въ 1849 году произведенъ въ полковники, а 22 июля 1858 года въ генераль-маіоры. //

Дѣятельность покойнаго по кораблестроенію продолжалась 54 года. Въ первые 18 лѣтъ служилъ онъ сначала мачтовымъ ученикомъ, потомъ корабельнымъ ученикомъ, потомъ тиммерманомъ, въ слѣдующіе за симъ 8 лѣтъ занимался по судостроенію, какъ субалтеръ-офицеръ и ближайшій помощникъ старшаго корабельнаго инженера, а съ 1834 года вступилъ уже въ званіе строителя и — странное стеченіе обстоятельствъ — первое построенное имъ тогда судно было

16-ти пуш. транспортъ «Гапсаль», и последнее, построенное въ 1854 году, было также транспортъ; носящій тоже имя «Гапсаль». Всего построилъ онъ для балтійскаго флота и здѣшней портовой флотиліи: парусныхъ кораблей 74-хъ пуш.—7, пароходъ фрегатъ 50-ти пуш.—1, парусныхъ фрегатъ 44-хъ пуш.—2, колесныхъ портовыхъ буксирныхъ пароходовъ—2, парусныхъ бриговъ 20-ти пуш.—2, парусныхъ шкуновъ—3, парусныхъ транспортъ—8, гребныхъ канонерскихъ лодокъ—34 и камельныхъ ботовъ—2; итого 61 судно.

Сверхъ награжденія чинами, служба Федора Тимофѣевича была постоянно и щедро поощряема денежными и другими Высочайшими наградами; кромѣ сего, онъ имѣлъ ордена: Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 2 ст. съ Императорскою Короною, свѣтлую бронзовую медаль въ память минувшей войны и знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ.

Женатъ онъ былъ вторымъ бракомъ, отъ котораго оставилъ по себѣ малолѣтнихъ дѣтей. Обладавъ всеми достоинствами и талантами своего вѣка, Федоръ Ти-

Фёвичъ въ то же время умѣлъ снять общую любовь отъ окружавшихъ его знакомыхъ и друзей. Добродушіе и гостепріимное хлѣбосолюство были отличительными чертами его характера, въ которыхъ съ поразительной рельефностью обрисовывался типъ настоящаго русскаго человѣка, со всеми оттѣнками его жизни и домашняго быта :

Онъ былъ всегда и всеѣмъ доступенъ ,

Онъ ложной гордости не зналъ ,

Былъ добръ душою, не подкупенъ ,

Гостепріимства идеаль....

Федоръ Тимофеевичъ скончался 17 ч. октября 1858 года, такъ сказать среди служебныхъ своихъ занятій, удостоясь передъ смертію исполнить долгъ христіанскій въ полномъ умѣ и свѣжей памяти. Похороненъ на соломбальскомъ кладбищѣ.

11.

Тихонъ Ковшій,

Дворцовый крестьянинъ, Важскаго уѣзда, Шенкурской четверти, Васильевской боярщины, деревни Климова Заборья, родился въ Москвѣ. По сказанію его : «отецъ былъ у него родомъ Полякъ, жилъ за тверскими воротами, у

Страшные Богородицы, имѣлъ купечество молодое и умре». Оставшись сиротою, Тихонъ, въ 1688 г., вышелъ изъ Москвы и проживалъ въ поморскихъ монастыряхъ, для ученія грамотѣ и пѣвнѣю. Въ томъ же году, пришелъ онъ въ Важескій уѣздъ, былъ дьячкомъ при Благовѣщенскомъ Соборѣ въ Шенкурскомъ острогѣ и, въ 1703 году, записался въ дворцовые крестьяне.

Впослѣдствіи, Тихонъ Ковицкій находился въ домѣ князя Александра Даниловича Меньшикова, для обученія дѣтей его русской грамотѣ. Появленіе его въ домѣ князя объясняется тѣмъ, что архангельское дворцовое имѣніе было въ управленіи князя Меньшикова, при Ижерской канцеляріи, и изъ имѣнія часто посылались въ дворцовую контору выборные по дѣламъ и для переписки бумагъ. Потому неудивительно, что и Ковицкій могъ поступить изъ дворцоваго имѣнія въ Ижерскую канцелярію и тамъ могъ быть замѣченнымъ княземъ. Послѣ несчастія, постигшаго князя, старецъ Тихонъ, возвратясь въ Холмогоры, нѣсколько лѣтъ управлялъ Спасскимъ Новопрлуцкимъ или Коезручев-

скимъ монастыремъ, и наконецъ скопчался на общаніи въ обители Преподобнаго Варлаама ^), отказавъ при смерти подаренный ему княземъ серебряный со Св. Мощами Крестъ въ марьяевскую пустыню **). Крестъ этотъ, по волѣ Преосвященнаго Веніамина, взятъ въ Кафедральный Троицкій Соборъ и положенъ въ срединѣ ковчега, съ прочими Св. мощами.

Потомокъ Тихона Ковицкаго — вышній удѣльный крестьянинъ шенкурскаго уѣзда, великониколаевского приказа, афанасьевской боярщины, деревни климова заборья Федоръ Александровъ Ковицкій.

12.

Алексій и Иванъ Химковы, Степанъ Шарановъ и Федоръ Виругинъ,
Мезенскіе матрозы, замѣчательные
жизнію на Шпицбергенѣ.

^) Важескій богословскій монастырь, нынѣ сельскій приходъ, въ 15 верстахъ отъ г. шенкурска, на правомъ берегу р. Ваги.

**) Пустыня эта находится въ 16 верстахъ отъ г. шенкурска, за рѣкою Вагой, при озерѣ *Ма*.

✓ В 1743 году, отправились они на этот островъ, для ловли китовъ и тюленей. Ихъ судно имѣло постоянно попутный вѣтеръ, такъ что въ осьмой день своего плаванія они находились близъ Шпицбергена.

Намѣреніе корабельщика было приплыть къ восточному берегу, куда корабли пристають обыкновенно; но вдругъ вѣтеръ перемѣнился, и корабль занесенъ былъ къ западному берегу Шпицбергена, который отдѣлялся широкимъ каналомъ отъ большаго острова, и лежалъ на восточной сторонѣ малаго. Приключеніе это опечалило всѣхъ; извѣстно было изъ прежнихъ опытовъ, что на восточномъ берегу всегда болѣе льду, нежели на западномъ, въ чемъ они и не ошиблись. Спустя нѣсколько времени, увидѣли они, что судно окружено со всѣхъ сторонъ льдами, между коими стояло оно неподвижно. Виля его въ такой опасности, всѣ закричали: мы погибли! погибли! Земля, бывшая передъ ними, была не Шпицбергенъ, а только малый островъ, лежащій у восточнаго берега ея, и называвшійся Восточнымъ Шпицберге-

номъ. Между двумя большими островами, онъ считается меньшимъ. Когда путешественники разсуждали, что имъ предпринять, кормчій вспомнилъ, что за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, нѣкоторые мореплаватели изъ Мезени же, хотѣли зимовать на этомъ островѣ, для чего и взяли съ собою потребное количество лѣса для постройки тамъ хижины, которую и выстроили. Мореплаватели въ надеждѣ, что она существуетъ, рѣшились ее отыскать и избрать для своего убѣжища.

Для этого, кормчій Алексѣй Химковъ предложилъ тремъ матрозамъ: Ивану Химкову, Степану Шарапову и Федору Виругину сопутствовать ему.

Оставляя судно, они взяли съ собою: ружье, рогъ съ 12 патронами пороха, такое же количество пуль, топоръ, маленькій котелъ, муки 20 фунтовъ, огниво, трудъ, ножикъ, пузырь, наполненный табакомъ, и четыре деревянные трубки. Запасшись этимъ, они сошли съ судна и направили путь по льдинамъ, съ тросточками въ рукахъ. Отъ судна до береговъ того острова было около четырехъ верстъ. Путешествіе это

было весьма опасно: дорога вела по льдинамъ, которыя, не бывъ крѣпко соединены между собою, колебались отъ морскихъ волнъ. Имъ надлежало перепрыгивать съ большою осторожностью съ одной льдины на другую, чтобы не попасть промежъ льдинъ; въ противномъ случаѣ, они могли бы погибнуть. Однако же они благополучно достигли желаемого острова, на которомъ земля была бесплодна, покрыта снѣгомъ, льдомъ и неприступными скалами. Миновавъ малое пространство острова, вдругъ нашли они, къ своей радости, хижину. Она отстояла отъ морскаго берега на четыре часа ѣзды. Приблизясь къ ней, они увидѣли, что ветхія части можно было еще поправить. Длина хижины простиралась до шести, а ширина и вышина до трехъ сажень. Она имѣла маленькія сѣни съ двумя дверцами и была весьма тепла. Въ одной комнатѣ нашли они глиняную печку на русскій образецъ, то есть, родъ пекарни или трубы. Подобныя печки весьма употребительны въ Россіи; они служатъ земледѣльцамъ для тепла, варевія и вмѣсто кровати. Для

избѣжанія дыма, въ избѣ подѣланы были въ стѣнѣ маленькія отверстія, которыя можно было отпирать по произволу, и которыя служили и вмѣсто окошекъ.

Путешественники рѣшились провести въ хижинѣ ночь. На другой день они отправились въ обратный путь, чтобы сообщить эту вѣсть матрозамъ, оставшимся на суднѣ. Они пришли къ берегу; но изумились, не найдя судна и видя море совсѣмъ очищеннымъ отъ льда, чему причиною былъ дувшій въ ту ночь сильный вѣтеръ. Долго стояли они неподвижно, какъ бы пораженные громовымъ ударомъ, обращая другъ на друга печальные взоры. Потомъ они ободрились немного, питая себя надеждою, что, можетъ быть, судно унесено бурей и возвратится. Тщетна надежда! оно не возвращалось, да и въ Россіи ни какого извѣстія о немъ не было, и такъ вѣрно оно погибло въ волнахъ. Съ ужасомъ видѣли они свое положеніе. Находясь на необитаемомъ островѣ, окруженные суровымъ воздухомъ, съ малымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, безъ защиты отъ звѣрей и въ удаленіи

отъ общества людей, они не имѣли и надежды когда-нибудь оставить эти мѣста. Первое дѣло, за которое они принялись, была поправка хижины; имъ нетрудно было возобновить ее. Между скалами и снѣгомъ нашли они множество моху, а на берегу обломки разбитаго судна; подошедъ же къ нему ближе, увидѣли пловучій по водѣ лѣсъ, состоящій по большей части изъ большихъ бревенъ съ сучьями. Потомъ, узнавъ, что островъ изобилуетъ оленями, странники, во время голода, охотились за ними, и, убивъ оленя, ѣли его нѣсколько дней. Съ бодростию и съ новыми силами принялись они за поправку своей хижины. Окончивъ это въ нѣсколько дней, стали думать, какъ бы достать дровъ, для защиты себя отъ тамошней непомерной стужи. Въ короткое время, порохъ и пули всѣ вышли, и имъ уже не чѣмъ было ни убивать оленей, ни защищаться отъ нападенія бѣлыхъ медвѣдей. Они пошли на берегъ, въ надеждѣ на какое-нибудь новое открытiе, что имъ и удалось. Между обломками разбитаго судна, выброшеннаго моремъ на берегъ, нашли они ветхую доску.

Находка эта ихъ обрадовала. Впослѣдствіи времени, посчастливилось имъ сдѣлать новое открытіе: они нашли крѣпкіе и гибкіе сучья словаго дерева. На возвратномъ пути, наступили они на большой плоскій камень, который также взяли съ собою, и онъ служилъ имъ вмѣсто наковальни. Короче сказать, они были такъ счастливы, что непрерывно дѣлали новыя, полезныя для нихъ открытія. Кто могъ бы себѣ представить, когдабъ то не было испытано, что желѣзный крючекъ, нѣсколько гвоздей и корни словаго дерева служили нѣсколько лѣтъ четыремъ матрозамъ защитою отъ хищныхъ звѣрей. Вооруженные копьями, начали сражаться съ медвѣдями, и помощію четырехъ стрѣлъ, ыми скованныхъ, убили они, въ разное время, двѣсти олений и множество бѣлыхъ и синихъ лисицъ. Воду брали они изъ источниковъ, струившихся между скалами. Однакожъ, имъ еще многого не доставало. Главная бѣда состояла въ томъ, что воздухъ былъ весьма нездоровый и вредный.

Хотя они и имѣли дрова для тепленія своей хижины, но не смотря на то,

должны были беречь ихъ ; имъ неизвѣстно было , всегда ли попутный вѣтеръ будетъ выбрасывать ихъ изъ моря на берегъ . Поэтому , они слегка поджаривали свою говядину , и ѣли ее безъ всякихъ приправъ . Но всякій день одно и тоже кушашье имъ надоѣло , и они начали думать о перемѣнѣ своей пищи и о томъ , чѣмъ бы замѣнить хлѣбъ . Они повѣсили часть говядины на крышку хижины , чтобы говядина напилась хорошенько дымомъ . Потомъ положили ее на кровлю , такъ , чтобы медвѣди или лисицы не могли ее достать . Высушивъ говядину на воздухѣ , начали употреблять ее съ свѣжею говядиною , вмѣсто хлѣба . Эта выдумка доставила имъ двойную пользу : во-первыхъ , было имъ не такъ противно ѣсть прежнюю пищу , а во-вторыхъ , этимъ способомъ сберегали они свою говядину на будущее время .

Наступили темныя зимнія ночи , которыя , какъ извѣстно , продолжаются на Шпицбергенѣ почти четыре мѣсяца . Они нашли глинистую и жирную землю , изъ которой вылѣпили лампаду .

Мореплаватели занемогли цынгою .

Одинъ изъ нихъ вспомнилъ, что отъ цынги нѣтъ ничего полезнѣе, какъ дѣлать всякій день тѣлодвиженіе, не смотря ни на сырой воздухъ, ни на стужу. Сообщивъ объ этомъ своимъ товарищамъ, онъ сказалъ еще, что надобно сыскать подь снѣгомъ и льдомъ ложечной травы, и употреблять ее сырую, что она очень полезна отъ этой болѣзни, что при этомъ должно, коль скоро убьешь оленя, пить его кровь, что такъ дѣлали прежніе ихъ товарищи, для излеченія отъ скорбутной болѣзни, что наконецъ, для той же цѣли, весьма полезно ѣсть мерзлую рыбу и говядину, но что у тѣхъ береговъ незамѣтно рыбы, да хотя бы она тамъ и была, то чѣмъ ее ловить?

Двое изъ его товарищей, кормчій и матрозъ, послѣдовали сему совѣту, и скоро отъ этой травы стало имъ гораздо лучше. Третій же матрозъ, Федоръ Виругинъ, тучный и лѣнивый, не могъ на то рѣшиться. Онъ охотно лежалъ въ хижинѣ, на мягкой своей постели, пока товарищи его бродили по снѣгу; при томъ же, пить оленью кровь и ѣсть сырую говядину, было ему такъ

отвратительно, что онъ ни подъ ка-
кимъ видомъ не хотѣлъ употреблять
этого средства. Первые три матроза
выздоровѣли и сдѣлались сильными, а
Иванъ Химковъ, который болѣе всѣхъ
дѣлалъ тѣлодвиженіе, сталъ столь ле-
гокъ на бѣгу, что въ состояніи былъ
сравняться съ самыми прыткими ло-
шадьми; напротивъ того, Федоръ Виру-
гинъ, который, между тѣмъ временемъ,
предавался покою, изнемогалъ отъ бо-
лѣзни, такъ что нѣсколько уже дней
не могъ вставать и тронуться съ мѣста;
наконецъ былъ не въ состояніи донести
руку до рта. Въ этомъ положеніи на-
ходился онъ шесть лѣтъ, и страдалъ
до тѣхъ поръ, пока смерть не поло-
жила конца его страданіямъ.

Оставшіеся три матроза, съ боль-
шимъ затрудненіемъ переходили съ горы
на гору, и счастье имъ повсюду сопут-
ствовало. Большую часть своего бѣлья
издержали они на бинты для больнаго
своего товарища. Башмаки и чулки из-
носились у нихъ совершенно, и осталь-
ная одежда была почти въ такомъ же
положеніи. Они не имѣли уже ни ка-
кой обуви, а жестокая зима все еще

продолжалась; они должны были думать о новой одеждѣ, но не знали, гдѣ взять ее. Они имѣли: мелвѣжки, лисьи и оленинѣ шкуры, но не выдѣланныя и не годныя къ употребленію.

Начали придумывать способъ выдѣлки кожи. Для этого положили они одну изъ нихъ на нѣсколько дней въ воду, чтобы она вымокла хорошенько и сдѣлалась мягче; потомъ стали выдергивать и скоблить на ней шерсть, которая въ водѣ замочка, что имъ и удалось, и кожа стала мягка и гибка.

Изъ этой кожи хотѣли они сшить себѣ сапоги и башмаки; но имъ еще нужнѣе былъ мѣхъ на платье, чтобы защитить себя отъ стужи, и потому имъ надлежало выдумать другой родъ сыромятки, чтобы сдѣлать кожи мягкими, не теряя ихъ шерсти. Стали обдумывать это, дѣлать опыты, и наконецъ успѣли въ своемъ намѣреніи: въ теченіе нѣсколькихъ дней промыслили они всѣ матеріалы, нужные для шитья сапоговъ, башмаковъ и платья.

И вотъ, одинъ шилъ сапоги, другой платье, и такъ далѣе. Платье, ими сшитое, соответствовало холодному клима-

ту. Спереди оно зашито было в плоть, такъ что его должно было надѣвать чрезъ голову; оставалось лишь малое пространство для глазъ. На этотъ разъ сшили они все платье мѣховое, такъ-какъ наступили жестокие морозы; на лѣто же матрозы наши приготовляли себѣ другое платье изъ кожъ.

Бѣдный кормчій болѣе всѣхъ имѣлъ причину жаловаться на жестокую свою судьбу: онъ разлученъ былъ съ женою и дѣтьми. Часто случалось, что, послѣ трудной дневной своей работы, возвращаясь онъ въ хижину для успокоенія, но сердце его находилось въ Россіи, въ кругу любезныхъ ему людей. Часто случалось, что онъ проливалъ слезы, когда товарищи его наслаждались сномъ; но, при мысли о своемъ малодушіи, онъ старался удалить отъ себя печальныя думы и начиналъ работать съ прежнимъ раченіемъ.

Когда они искали по берегамъ плывучаго лѣса, смотря въ ту сторону, гдѣ лежала любезная имъ Россія, вдругъ примѣтили корабль, вдали отъ острова. Они побѣжали въ свою хижину, принесли оттуда огня и дерева, и развели

большой огонь. Одинъ изъ нихъ принесъ оленью кожу, привязалъ ее къ шесту, и побѣжалъ съ этимъ флагомъ къ берегу, желая дать знать кораблю, что здѣсь живутъ люди и просятъ помощи. Съ корабля примѣтили огонь и флагъ; корабельщикъ подплылъ къ берегу и кинулъ якорь; между тѣмъ, послалъ къ отшельникамъ лодку съ четырьмя матрозами, узнать изъ любопытства, какимъ образомъ они попались на тотъ островъ. Люди, бывшіе на кораблѣ, изумились, нашедши трехъ человекъ, окутанныхъ кожами и мѣхами; а болѣе всего удивились они, когда несчастные начали говорить по-русски. Корабельщикъ увидѣлъ, что они природные русскіе и узналъ отъ нихъ, что они болѣе шести лѣтъ жили на необитаемомъ островѣ. Корабль, отправившійся изъ Архангельска, плылъ къ западному Шпицбергену, для ловли китовъ, но противнымъ вѣтромъ занесенъ былъ къ восточному Шпицбергену.

Корабельщикъ условился, за восемьдесятъ рублей, привести въ Россію трехъ Робинзоновъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ. Драгоцѣнности ихъ состояли:

въ 2,000 фун. оленьяго жира, 200 оленьихъ кожахъ, 10 шкурахъ мелвѣжьихъ и въ большомъ количествѣ шкуръ бѣлыхъ и синихъ лисицъ. Въ счетъ 80 рублей, онъ еще обязался содержать ихъ во все время путешествія на своемъ иждивеніи. Послѣ пятимѣсячнаго плаванія, они благополучно всѣ прибыли въ Архангельскъ. По пріѣздѣ, народъ толпами стекался смотрѣть на нихъ. Жена кормчаго, почитавшая его уже мертвымъ, проходила по мосту въ то время, когда они приставали къ берегу. Она увидѣла мужа своего, узнала его и, въ замѣшательствѣ, бросилась съ моста въ воду, чтобъ скорѣе съ нимъ свидѣться, и навѣрное бы утонула, еслибъ одинъ матрозъ не бросился въ воду и не вытащилъ ее. Наконецъ островитяне вышли на твердую землю, въ своей шпицбергенской одеждѣ.

13.

Одеоть Ипполитовичъ Рахманинъ.

Крестьянинъ юромской волости мезенскаго уѣзда, всю жизнь свою, съ 17-ти лѣтнаго возраста, провелъ въ морѣ, 6 разъ зимоваль на шпицбергенѣ, 5 лѣтъ находился въ сибирѣ, въ плаваніи по

р. Енисею, на суднѣ архангельскаго купца Дмитрія Лобанова, 26 разъ зимовалъ на новой землѣ и 2 раза ходилъ къ ея берегамъ, на лѣтніе звѣринные промыслы. Зимовка его на новой землѣ была въ разныхъ мѣстахъ, между вайгачскимъ проливомъ и маточкинымъ шаромъ. — Рахманинъ отличался отъ прочихъ кормщиковъ умѣньемъ читать и писать, былъ любопытенъ и имѣлъ неограниченную склонность къ мореплаванію и охоту къ изслѣдованію неизвѣстныхъ земель. На показаніяхъ его и Откупщикова, академикъ Лепехинъ составилъ и издалъ описаніе новой земли.

14.

Алексѣй Ивановичъ Откупщикова,

Мѣщанинъ г. Мезени, съ 13 лѣтняго возраста, 50 лѣтъ упражнялся въ ново-земельскихъ промыслахъ и плаваніи по сѣвернымъ морямъ. По обыкновенію мезенскихъ судовладельцевъ, онъ никогда не зимовалъ на новой землѣ. Звѣроловство его здѣсь ограничивалось однимъ лѣтомъ, между маточкинымъ шаромъ и доходами, въ сѣверной части острова. Недальній, удобный переходъ по морю

отъ устья р. мезени къ новоземельскимъ берегамъ давалъ возможность смѣлому мореходу посѣщать новую землю нѣсколько разъ, въ одно лѣто.

15.

Иванъ Шухобовъ,

Архангельскій мѣщанинъ, изъ пинежскихъ крестьянъ, болѣе 30 лѣтъ занимался мореплаваніемъ и китовымъ промысломъ. Въ 1786 году, плавая на лодѣ внутри и внѣ кольской губы, уловилъ онъ 11 китовъ разной величины; но добычей не воспользовался, по причинѣ худо выкованныхъ гарпуновъ, которые или ломались въ китахъ, или выскакивали изъ нихъ, при ихъ поворотахъ къ морскому дну. Весною слѣдующаго года, изловлено было, внутри кольской губы, вновь 4 кита; но они также не достались въ руки мореходцу, по некрѣпости привязанныхъ къ гарпунамъ веревокъ, которыя не могли выдержать китовыхъ оборотовъ въ глубину моря. Изъ означенныхъ китовъ, 2 найдены впоследствии мертвыми на морскихъ берегахъ кольскаго уѣзда; но они достались въ добычу другимъ.

Въ подобныхъ трудахъ состарѣлся и кормщикъ Юшковъ.

16.

Сава Лошкинъ,

Жемскій гражданинъ, доблестный мореходъ, безъ пособія науки, безъ секстантовъ, квадрантовъ, барометровъ, хронометровъ, съ одною маткою и русскою удалюю, не колебался пуститься, въ 1780 году, въ таинственныя воды, на новыя открытія. Онъ совершилъ двѣ компаніи, занимаясь промысломъ и странствуя по карскому морю; провелъ одну зиму на непривѣтливомъ его берегѣ и, обогнувъ, на своей лодейкѣ, весь восточный берегъ новой земли, отъ логиновыхъ крестовъ *) до доходовъ, благополучно и съ прибыткомъ возвратился въ западное море. — Слѣдовательно, Сава Лошкинъ первый объѣхалъ кругомъ новую землю, первый открылъ

*) Логиновыми крестами зовется восточное устье никольскаго шара, а западное — пѣтухами. Этотъ шаръ, или каналъ, отдѣляетъ кусовую землю отъ южнаго берега новой земли. Никольскій шаръ наполненъ множествомъ островковъ, на которыхъ успѣшно производится моржоловство.

восточные берега новой земли, до тѣхъ поръ невѣдомые нашимъ мореходцамъ. Хвала русскому мореходцу! Съ тѣхъ поръ ни одна лодья неходила въ карское море, и карское моржеловство долнесъ остается не тронутымъ источникомъ народныхъ пользъ.

Потомки Савы Лошкина въ г. кеми до сихъ поръ существуютъ и успѣшно производятъ морскіе промыслы и морскіе торги.

17.

Иванъ Ивановичъ Пашинъ,

Архангельскій гражданинъ, извѣстенъ какъ опытный мореходъ и смѣлый предприимчивый человекъ. Отецъ его, архангельскій мѣщанинъ, провелъ всю жизнь свою въ морѣ, — и не разъ бралъ съ собою сына. Потомъ, отдалъ его для ученія въ архангельскую гимназію; но мальчикъ думалъ не объ ученіи, а о морѣ: оно оставило въ немъ живое впечатлѣніе, — красоты его живо представлялись его пылкому воображенію. Потому, онъ вскорѣ оставилъ гимназію и занялся промысломъ отца. Придя въ возрастъ, Пашинъ вполне предался морской жизни: не боялся ни бурь, ни не-

погодъ моря и презиралъ всё его опасности. При свѣтломъ умѣ, онъ отличался живостью, отвагой и самоотверженіемъ.

Въ концѣ 20-хъ или въ началѣ 30-хъ годовъ сего столѣтія, возвращаясь, въ званіи прикащика, изъ С.-Петербурга къ Мурманскому берегу, на шхунѣ кемскихъ купцовъ Антоновыхъ, Пашинъ потерпѣлъ судномъ аварію при берегахъ Великобританіи. Этотъ случай заставилъ его прожить нѣсколько времени въ Лондонѣ, гдѣ, записавшись въ частную школу, онъ изучилъ англійскій языкъ. По окончаніи дѣла о поврежденной шхунѣ, Пашинъ возвратился на родину и вскорѣ обзавелся собственною мореходною лодьей, на которой плавалъ отъ Архангельска на Мурманскій берегъ и отсюда въ Норвегію. При торговыхъ сношеніяхъ съ нею, онъ изучилъ и языкъ норвежскій.

Въ 1835 году, Пашинъ, первый изъ мореходцевъ архангельскаго поморья, прошелъ моремъ изъ Колы въ С.-Петербургъ, на лодѣ «Св. Николай», въ 48 ластовъ, совершивъ этотъ рейсъ въ 27 дней, — и тѣмъ разсвѣлялъ общее

убѣжденіе въ невозможности этого прохода на плоскодонномъ суднѣ, съ бѣломореккой оснасткой. Появленіе архангельской лодки на петербургскомъ рейдѣ изумило жителей столицы. Множество любопытныхъ собралось отсюду посмотреть на эту незатѣливую бѣломорскую кочу, приплывшую съ своего завѣтнаго моря, въ гости, въ Балтійское, — полюбоваться ея отважнымъ лоцманомъ, совершившимъ еще невиданное до тѣхъ поръ чудо.

Этотъ подвигъ Ивана Ивановича познакомилъ его съ многими извѣстными лицами столицы и особенно съ адмираломъ Литке. Знаменитый морякъ приглашалъ нѣсколько разъ Пашина къ себѣ, спрашивалъ его о совершенномъ имъ пути, съ удовольствіемъ слушалъ разсказъ разумнаго Пашина, въ свою очередь давалъ ему полезные совѣты къ улучшенію постройки судовъ и мореплаванія и подарилъ ему на память свое сочиненіе: «Путешествіе вокругъ свѣта».

Выказанное въ Петербургѣ вниманіе Пашину ободрило его еще болѣе. По распродажѣ рыбы, онъ передѣлалъ свою

лодью въ шхуну и, возвратясь на Мурманскій берегъ, съ жаромъ взялся за прежніе промыслы. Первымъ дѣломъ его было составленіе проекта о ловлѣ акулъ въ кольской губѣ. Проектъ этотъ былъ доведенъ до Всемилостивѣйшаго вниманія Государя Императора Николая Павловича, и Пашину былъ Высочайше пожалованъ за него брилліантовый перстень. Тогда же, по ходатайству покойнаго графа Канкринна, было выдано изъ казны, въ пособіе Пашину, нѣсколько тысячъ рублей, на заведеніе промысловыхъ снастей и судна для ловли акулъ. Но промышленность эта не осуществилась. Иванъ Ивановичъ, при вторичной попыткѣ пройти съ мурманскаго берега въ С. - Петербургъ на той же лодкѣ, погибъ въ океанѣ, съ женой и всѣмъ экипажемъ. Причина гибели зависѣла отъ весьма поздновременной поѣздки моремъ: Пашины отправились изъ Колы въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 года, когда наступили необыкновенныя морскія бури, потопившія судно, дшище котораго было найдено на берегахъ Норвегіи.

18.

Преосвященный Игнатій, архіепископъ воронежскій и задонскій.

Преосвященный архіепископъ *Игнатій, Семеновъ*, родился 5 августа 1790 года, архангельской епархіи, пинежскаго уѣзда, въ кеврольскомъ приходѣ, отъ священника Аѳанасія Семенова, и во св. крещеніи нареченъ былъ Матѳіемъ. Обучался въ архангельской духовной семинаріи латинскому, греческому и французскому языкамъ, географіи, исторіи, математикѣ, поэзи, риторикѣ, философіи и богословіи. По окончаніи курса ученія въ 1812 году, января 25, опредѣленъ въ архангельское д. уѣздное училище по высшему отдѣленію учителемъ греческаго языка, священной и всеобщей исторіи, изъ коихъ послѣдней обучалъ до ноября 1814 года, т. е. до преобразованія семинаріи по новому проекту устава, въ семь году Высочайше утвержденнаго. 1813 года сентября 26, опредѣленъ инспекторомъ того же уѣзднаго училища; а 1816 года іюля 14, перемѣщенъ учителемъ въ архангельскую д. семинарію на классъ греческаго и французскаго языковъ, и въ слѣдую-

шемъ 1817 году, сентября 24, опредѣленъ экономомъ и членомъ правленія сей семинаріи. Проходя эти должности, и будучи 30 лѣтъ отъ роду, 25 іюля 1820 года постригся въ монашество подъ именемъ Игнатія, — и въ слѣдующемъ августѣ мѣсяцѣ, преосвященнымъ епископомъ Іосифомъ рукоположенъ, 1 числа, въ іеродіакона, а 15 во іеромонаха, и тѣмъ же преосвященнымъ, 3 февраля 1821 года, возведенъ въ санъ игумена третьекласснаго николаевскаго корельскаго монастыря. Но вскорѣ, именно 1 марта того же года, комиссіею духовныхъ училищъ опредѣленъ въ с.-петербургскую д. академію бакалавромъ на классъ греческаго языка по низшему отдѣленію, — по пріѣздѣ куда съ особенною похвалою выдержалъ экзаменъ на степень магистра богословскихъ наукъ и 12 іюля конференціею академіи утвержденъ въ этомъ ученomъ званіи, а 26 числа перемѣщенъ въ высшее отдѣленіе академіи на классы толкованія священнаго писанія и греческаго языка. Въ томъ же 1821 году, 29 сентября, поручена въ его завѣдываніе академическая бібліотека, а 3 ноября утверждень

быть действительнымъ членомъ академіи, съ правомъ присутствованія во ви́шнемъ или окружномъ академическомъ правленіи. Съ отличнымъ усердіемъ проходя сіи должности, о. Игнатій скоро обратилъ на себя особенное вниманіе высокопреосвященнѣйшаго митрополита Серафима, и 8 ноября 1822 года возведенъ имъ въ санъ архимандрита, а въ августѣ слѣдующаго 1823 года определенъ ректоромъ новгородской семинаріи, откуда былъ призванъ, въ концѣ 1825 г., въ С.-Петербургъ, для обревизованія тамошней семинаріи, и 2 сентября 1826 года Высочайше сопричисленъ къ ордену Св. Анны 2 степени. Въ слѣдующемъ 1827 году, 25 ноября, святѣйшимъ синодомъ избранъ, а 3 декабря Высочайше утвержденъ епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородской митрополіи: хиротонисанъ въ сей санъ высокопреосвященнѣйшимъ Серафимомъ, 26 февраля 1828 года, въ С.-Петербургѣ, — и чрезъ три мѣсяца, 22 мая, перемѣщенъ епископомъ во вновь учрежденную тогда второклассную олонекскую и петрозаводскую епархію, куда и прибылъ 7 августа. Здѣсь преосвящен-

ный Игнатій, 11 января 1830 года, Высочайше сопричисленъ былъ къ ордену Св. Анны 1 степени, а 21 апрѣля 1835 года, за пастырскіе труды о распространеніи и утвержденіи истиннаго благочестія во ввѣренной ему епархіи, возведенъ въ санъ архіепископа. Отсюда, 1842 года ноября 24, по Высочайшему повелѣнію, перемѣщенъ на кафедру новочеркаскую и донскую, съ тою степенью въ порядкѣ іерархическомъ, какая принадлежала ему по званію архіепископа олонецкаго и петрозаводскаго. Ревностное служеніе пр. Игнатія среди христолюбиваго воинства донскаго, ознаменованное, 14 апрѣля 1845 года, Высочайшимъ сопричисленіемъ его къ ордену Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2 степени большаго креста, продолжалось до перемѣщенія его, въ 1847 году января 13, на кафедру ворожежскую и задонскую, съ тѣмъ же правомъ старѣйшинства, которое лично ему было усвоено; но въ слѣдующемъ 1848 году, 22 апрѣля, пр. Игнатій Высочайше призванъ былъ въ С.-Петербургъ, для присутствованія въ св. правительствующемъ синодѣ, гдѣ и находился

до дня кончины своей, послѣдовавшей 26 января 1850 года, на 60 году отъ рожденія.

Лица, бывшія нѣкогда подъ управленіемъ преосвященнѣйшаго Игнатія, съ особенною похвалою и любовію вспоминаютъ о его отеческомъ о нихъ попеченіи; чтожь касается до его ученой дѣятельности, неутомимости и пастырскихъ добродѣтелей, то объ этомъ достаточно свидѣлствуютъ многія изданныя имъ сочиненія.

19.

Павель, архіепископъ тобольскій.

Преосвященный Павель, архіепископъ Тобольскій и сибирскій,—въ мірѣ Петръ Алексѣевичъ Павловъ,—былъ сынъ священника карпогорскаго прихода панежскаго уѣзда Алексѣя Павлова. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ архангельской духовной семинаріи и, по окончаніи курса ученія въ 1803 году, по указу св. правительствующаго сѣнода, посланъ былъ въ троицкую лаврскую семинарію, для приготовленія къ учительской должности. Возвратясь изъ лавры въ 1806 году, опредѣленъ, 12 сентября, учителемъ реторики, исторіи,

еврейскаго и греческаго языковъ ; въ слѣдующемъ 1807 году іюля 9, въ архангельскомъ монастырѣ постриженъ въ монашество и 31 августа опредѣленъ настоятелемъ въ третьеклассный николаевскій корельскій монастырь ; 1808 года 7 марта произведенъ въ игумена ; 1809 года августа 24 опредѣленъ префектомъ семинаріи ; 1810 года іюня 5, — архимандритомъ въ третьеклассный архангельскій монастырь, — августа 2 ректоромъ архангельскаго д. уѣзднаго училища, — сентября 2 учителемъ философіи и того же мѣсяца 29 числа присутствующимъ въ духовную консисторію. Въ 1814 году, при преобразованіи архангельской семинаріи по вновь утвержденному тогда уставу, переименованъ профессоромъ философскихъ наукъ. 1817 г. сентября 20 переведенъ настоятелемъ во второклассный антовіевъ сійскій монастырь ; 1818 года февраля 12 академическимъ правленіемъ поручено ему исправленіе должности ректора архангельской семинаріи. Въ 1819 году, по указу святѣйшаго правительствующаго синода, управлялъ съ 1 іюня по 1 ноября ставропигіальнымъ первоклас-

снымъ соловецкимъ монастыремъ, и во время пребыванія въ семъ монастырѣ, августа 2, комиссіею духовныхъ училищъ утвержденъ ректоромъ семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ; 1820 года марта 10 опредѣленъ цензоромъ проповѣдей, сказываемыхъ въ кафедральномъ соборѣ и городскихъ церквяхъ, и въ томъ же году 5 апрѣля перемѣщенъ настоятелемъ въ онежскій крестный монастырь, а изъ онаго, по указу св. сѣнода 25 апрѣля 1821 года, съ увольненіемъ отъ управленія архангельскою семинаріею, переведенъ ярославской епархіи во второклассный борисоглѣбскій монастырь. Отсюда, въ 1823 году, вызванъ въ С. - Петербургъ на чреду священнослуженія и потомъ хиротонисанъ во епископа вятскаго и слободскаго, а въ маѣ 1827 года перемѣщенъ въ Могилевъ епископомъ же. По ходатайству его, могилевскій братскій монастырь, зависѣвшій доселѣ отъ города и управлявшійся въ хозяйственномъ отношеніи старостами, 14 октября 1828 г. сдѣланъ штатнымъ и возведенъ во второй классъ. Въ 1831 году, за сопровожденіе изъ Витебска въ С.-Петер-

буртъ тѣла въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Константина Павловича, преосвященный Павелъ всемилостивѣйше награжденъ брилліантовою панагією и назначенъ въ Tobольскѣ архіепископомъ. Въ Tobольскѣ прожилъ онъ только двѣ недѣли и скончался 18 декабря 1831 года, имѣя отъ роду не съ большимъ 50 лѣтъ. Приписанное ему въ могилевскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ прозваніе *Моревъ*, вѣроятно, дано ему было начальствомъ во время ученія въ лаврской семинаріи; родовая же его фамилія была *Павловъ*, какъ по нынѣ именуется ближайшіе его родственники и какъ самъ онъ подписывался, будучи уже учителемъ семинаріи.

20.

Оеофилактъ Русановъ.

Оеофилактъ Русановъ, екзархъ и митрополитъ Грузіи, членъ святѣйшаго синода, грузинской синодальной конторы, комиссіи духовныхъ училищъ и московскаго общества любителей российской словесности, кавалеръ орденовъ: Александра Невскаго, Св. Владиміра 1 степ. и Св. Анны 1 класса, родился 1765 года въ пабережскомъ приходѣ

онежскаго уѣзда Архангельской губерніи, отъ священника; обучался сперва въ олонецкой семинаріи; а потомъ въ александроневской академіи; при коей по окончаніи курса ученія былъ учителемъ поэзіи и реторики около полугода. Въ 1794 году, по постриженіи въ иночество и посвященіи во іеромонаха опредѣленъ законоучителемъ въ греческій корпусъ, переименованный въ 1796 году корпусомъ чужестранныхъ единовѣрцевъ; по указу святѣйшаго сѣнода отъ 13 марта 1795 года произведенъ во архимандрита зеленецкаго монастыря, изъ коего 29 мая 1796 года переведенъ въ сергіевскую петергофскую пустыню, а изъ оной 8 ноября 1798 года въ новгородскій Антонія Римлянина монастырь, и наконецъ 8 октября 1799 года въ первоклассный иверскій, съ пожалованіемъ въ члены св. сѣнода. Во все продолженіе сего производства оставался онъ законоучителемъ корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ и втораго кадетскаго. Спустя осмнадцать дней по переводѣ въ иверскій монастырь, т. е. 26 октября 1799 года архимандритъ Теофилактъ Высочайше пожалованъ

епископомъ въ Калугу; хиротонисанъ въ С.-Петербургѣ 30 ч. того же мѣсяца и въ тотъ же день соприсчисленъ къ ордену Св. Анны 1 класса. Въ 1807 году вызванъ для присутствованія въ св. синодѣ и 29 ноября того же года Высочайше назначенъ членомъ комитета объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ, а 26 іюня 1808 года членомъ комиссіи духовныхъ училищъ; 25 декабря того же года пожалованъ архіепископомъ, а 5 марта слѣдующаго 1809 года переведенъ въ Рязань, но въ епархію свою отпущенъ только 11 ноября 1813 года. 14 мая 1817 года, Высочайше пожалованъ въ Грузію ексархомъ св. правительствующаго синода. Тамъ устроилъ онъ и привелъ въ порядокъ іерархическія дѣла и раздѣлилъ Грузію на епархіи, и за сіе 1 февраля 1819 г. возведенъ въ санъ Митрополита. Въ 1821 году іюня 11, Высочайше пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 1 степени; но въ слѣдующемъ іюлѣ мѣсяцѣ, обозрѣвая церкви въ Кахетіи, заболѣлъ горячкою и отъ оной скончался 11 ч. того же мѣсяца; погребенъ въ соборной георгіевской церкви бодбійскаго мона-

етыря, находящагося въ 2-хъ верстахъ отъ Сигнаха. Тамъ, близъ южной стѣны храма, простая плита, безъ надписи, покрываетъ останки знаменитаго іерарха, а противъ оной, въ самой стѣнѣ, вырѣзана на мраморѣ слѣдующая надпись :

„Здѣсь покойся прахъ усопшаго о
„Господѣ св. правит. всероссійскаго
„сѹнода, комиссiи духовныхъ училищъ
„и разныхъ ученыхъ обществъ члена,
„екзарха Грузiи, высокопреосвящен-
„нѣйшаго Теофилакта, митрополита
„карталинскаго и орденовъ : Св. Влад.
„1 степ., Св. Александра Невскаго и
„Св. Анны 1 кл. кавалера, мужа рѣд-
„кими талантами отъ природы одарен-
„наго, ученостiю, пастырскими лѣбро-
„дѣтелями и многими знаменитыми дѣ-
„лами въ продолженiе 22 лѣтъяго въ
„святительскомъ чинѣ служенiя просла-
„вившагося, въ сей временной въ вѣч-
„ную жизнь переселившагося на 54
„году житiя своего 19 iюля 1821 гола.
„Здѣсь въ монастырѣ Св. Нины *) сіе

*) Въ бодбійскомъ храмѣ, построенномъ еще въ IV вѣкѣ грузинскимъ ца-

„надгробіе любезному брату и благо-
„дѣтелю поставилъ коллежскій совѣт-
„никъ Г. Русановъ:“

При кончинѣ, высокопреосвященнѣй-
шій Оеофилактъ отказалъ, на память
родинѣ своей, въ церковь пабережскаго
прихода всѣ Высочайше жалованные ему
панагіи, кресты и орденскіе знаки, ко-
торые и украшаютъ нынѣ мѣстныя
иконы этой церкви.

Изъ сочиненій его извѣстно нѣсколь-
ко поученій, которыя издавалъ онъ
сперва порознь, а въ 1806 году въ
Москвѣ совокупно 28, послѣ коихъ на-
печаталъ еще нѣкоторыя въ С.-Петер-
бургѣ порознь на разные случаи и пред-
меты; но больше упражнялся онъ въ
перелогахъ съ французскаго, а частію
съ латинскаго и греческаго языковъ.

21.

Иринеи ключаревъ.

Иринеи Ключаревъ, архимандритъ
первокласснаго нижегородскаго печор-

ремъ Миріаномъ, находятся два алтаря:
главный посвященъ Св. Георгію, а дру-
гой Св. Нинѣ, просвѣтительницѣ Гру-
зіи, коей и мощи тутъ почиваютъ.

скаго монастыря, въ міръ Іоаннъ Стефановичъ, уроженецъ города Архангельска, сынъ священника воскресенской церкви, родился въ 1785 году. По окончаніи курса наукъ въ архангельской духовной семинаріи, рукоположенъ онъ 8 марта 1808 г. во священника городской рождественской церкви и, бывъ въ этомъ санѣ, исправлялъ должность сперва учителя, а потомъ смотрителя архангельскаго духовнаго приходскаго училища. Овдовѣвъ, постригся въ иноческій чинъ 17 іюня 1816 года, на 32 году отъ рода. Въ томъ же 1816 году, назначенъ настоятелемъ скопинскаго духовна монастыря, что въ рязанской епархіи, присутствующимъ духовнаго правленія и смотрителемъ скопинскихъ духовныхъ училищъ, и въ это время за усердную службу награжденъ набедренникомъ. Въ 1817 году, по Высочайшему повелѣнію, перевѣщенъ въ Грузію, гдѣ былъ сперва учителемъ словесности въ тифлисской семинаріи, а въ іюнь 1818 года назначенъ ректоромъ этого учебнаго заведенія. Въ 1819 году января 18, возведенъ въ санъ архимандрита іоанно-крестительской пустыни и

черезъ 12 дней потомъ Высочайше сопричисленъ къ ордену Св. Анны 3 степени. Въ 1821 году, назначенъ членомъ грузино-имеретинской св. правительствующаго синода конторы и, по кончинѣ экзарха Грузіи Θεофилакта, ему предоставлено было управленіе епархіальными дѣлами, до назначенія новаго экзарха. — Въ 1824 году, онъ переведенъ былъ въ астраханскую епархію, гдѣ и находился до 1837 года, будучи настоятелемъ тамошнихъ монастырей спасопретображенскаго и покровоболдинскаго. Во все это время, былъ онъ ректоромъ астраханской семинаріи, первоприсутствующимъ духовной консисторіи, цензоромъ проповѣдей (съ 1825 года) и законоучителемъ астраханской губернской гимназіи (съ 1835 года), а въ 1826 году награжденъ драгоцѣннымъ наперстнымъ крестомъ. — Съ 1837 по 1843 годъ, о. архимандритъ Ириней снова находился въ рязанской епархіи настоятелемъ рязанскаго троицкаго монастыря, членомъ консисторіи и благочиннымъ надъ монастырями. 25 мая 1843 года, сопричисленъ онъ къ ордену Св. Анны 2 степени, а декабря 30 того же года

перемѣщенъ въ нижегородскій перво-классный печорскій монастырь, гдѣ, какъ заслуживавшій преимущественное довѣріе по своимъ познаніямъ, опытности, примѣрному поведенію и правдолюбію, опредѣленъ членомъ духовной консисторіи, 24 октября 1845 года, и благочиннымъ надъ монастырями 14 декабря того же года. — Весною 1846 года, архимандритъ Иринеи подвергся удару паралича, и съ тѣхъ поръ не поправлялся въ своемъ здоровьѣ. 9 апрѣля 1847 года, въ два часа по-полуночи, онъ скончался 62 лѣтъ отъ роду, напутствованный въ жизнь вѣчную таинствами покаянія, причащенія и елеосвященія. Архимандритъ Иринеи положенъ рядомъ съ могилою архимандрита Ириварха, въ печорскомъ монастырѣ, близъ алтаря теплаго успенскаго храма.

22.

В. В. Крестининъ.

Василій Васильевичъ Крестининъ, архангелогородскій гражданинъ, извѣстенъ въ литературѣ историческими трудами о здѣшнемъ краѣ.

Въ предисловіи къ исторіи о городѣ архангельскомъ, въ іюлѣ 1785 г, В. В.

говорить, что ему тогда шелъ 57 годъ отъ рода; слѣдовательно онъ родился въ 1728 году. Въ этой же исторіи рассказываетъ онъ, что отецъ его Василій Крестининъ изъ бѣдныхъ сиротъ холмогорскаго посада произошелъ въ первостатейные купцы и въ главный по архангельскому посаду службы*), порядкомъ, въ сіе достоинство ведущимъ.

Василій Васильевичъ получилъ хорошее образованіе; изъ сочиненій его видно, что онъ зналъ латинскій и нѣмецкій языки и былъ начитанъ; но капиталовъ въ наслѣдство не получилъ. Вѣроятно, отецъ его лишился ихъ, вмѣстѣ съ другими архангелогородскими купцами, въ 1747 году. Какъ бы то ни было, В. В. жилъ своими трудами.

Въ городской обывательской книгѣ 1786 года сказано о немъ такъ: „В. В. Крестининъ старожилъ, 54 лѣтъ, холость, имѣеть брата Алексѣя 50 лѣтъ, холостаго-же, домъ въ первомъ кварталѣ, второй части и 300 рублей капитала; служитъ мѣщанскимъ писаремъ, а

*) Служилъ бургомистромъ въ 1735 году.

прежде служилъ: въ 1766 г. архивариусомъ въ магистратѣ и исправлялъ должность секретаря, въ 1767 и 1768 членомъ торговой депутациа, съ 1769 по 1786 посадскимъ старшиною и съ 6 июля 1780 года засѣдателемъ совѣстнаго суда; сверхъ того состоитъ: попечителемъ воспитательнаго дома съ 1765 и школь съ 1766 года; за службы по выборамъ имѣетъ званіе степеннаго гражданина.—По книгѣ 1789 года показавъ уже женатымъ на мѣщанской дочери Ульянѣ Федоровнѣ Уледниковой 27 лѣтъ; слѣдственно женился уже 57 лѣтъ отъ роду.

Будучи архивариусомъ магистрата, онъ имѣлъ случай и время ознакомиться съ старинною архангелогородскою письменностію. Знакомство съ Александромъ Ивановичемъ Ооминымъ и прокуроромъ губернской канцеляріа А. Царышкинымъ, известнымъ въ литературѣ того времени, подало ему мысль основать общество для обработки мѣстныхъ древностей; но хлопоты его по этому дѣлу не увѣнчались успѣхомъ. Впрочемъ, это не помѣшало ему участвовать въ редакціи древней россійской Вивлиоэки и

ей продолженія. Тамъ напечатаны имѣ
нѣсколько грамотъ, относящихся къ
двинской странѣ, и слѣдующая выписъ
изъ рукописной кормчей книги: а)
Уставъ Св. Владиміра о церковныхъ
судѣхъ и о десятинахъ; б) доволненіе
къ нему великаго князя Ярослава Воло-
диміровича о судѣхъ; в) судъ Ярославъ
Володиміровича— правда русская; и г)
уставъ Владиміра Всеволодовича^{*)}. Изъ
нихъ, законы Ярослава или русская
правда тогда въ первый разъ сдѣлались
извѣстными ученому міру. Рукопись,
изъ которой они заимствованы, въ на-
чалѣ своемъ принадлежала Семену Анд-
кіевичу, Максиму Яковлевичу и Никитѣ
Григорьевичу Строгоновымъ.

Путешествіе по архангельской губер-
нн академикомъ И. Ленехина и Н.
Озерецковскаго также имѣло вліяніе на
Крестинина. По предложенію послѣдня-
го изъ нихъ, онъ былъ избранъ въ
корреспонденты Императорской Академіи
Наукъ, которая въ послѣдствіи дѣлала
ему свои порученія и въ 1792 году

*) Продолж. древ. росс. вивл. 1783 г.,
часть III, стр. 1—47.

проехала губернскае правленіе объ оказаніи содѣйствія. Въ 1784 и послѣдующихъ годахъ Крестининъ участвовалъ въ собраніи и обработкѣ *топографическихъ извѣстій объ архангельскомъ намѣстничествѣ*, по распоряженію генералъ-губернатора Т. И. Тутолмина. Онъ померъ въ архангельскѣ 5 мая 1795 года, лѣтъ около семидесяти отъ рода. — Вотъ издавныя имъ, при жизни, сочиненія въ хронологическомъ порядкѣ:

1) Историческіе начатки о двинскомъ народѣ древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ. С.-Петербургъ. При академіи наукъ. 1784 г. Сочиненіе это поднесено было авторомъ въ рукописи генералъ-губернатору А. П. Мелгунову, въ 1780 году.

2) Краткое географическое извѣстіе о землѣ самоѣдской и о состояніи самоѣдовъ, обитающихъ въ архангельскомъ намѣстничествѣ. *Нов. ежемьск. сочин.* 1786 г. № 8.

3) Объ островѣ Колгуевѣ. Напечатано въ *мѣсяцословѣ* 1787 г. и въ *собраніи сочиненій изъ мѣсяцословъ VI, 10.*

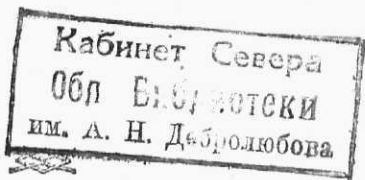
4) Вопросы и отвѣты о состояніи земли, обитаемой самоѣдами, и о ихъ

промыслахъ. *Повыя ежемѣсь. сочин.*
1787 г. № 1—3.

5) Географическое извѣстiе о новой
землѣ полуношнаго края. *Пов. ежемѣсь.
сочин.* 1788 г. № 4 и 1789 г. № 1-й.

6) Начертанiе исторiи города Холмо-
горъ. С.-Петербургъ. При академiи на-
укъ. 1790 г. Издано академикомъ Н.
Озерецковскимъ.

7) Краткая исторiя о городѣ архан-
гельскомъ. С.-Петербургъ. При акаде-
мiи наукъ. 1792 года.

Эта брошюра составлена изъ статей ,
не печатанныхъ уже въ Архангельскихъ
Губернскихъ Вѣдомостяхъ въ № 19 и
№ 43 1858-го и въ № 4, 6, 7, 8 и 10
1861 года, по одобреніи мѣстною цен-
зурою. *Секретъ И. Терюмов.*